

# Денис Бушлатов

## Дети мертвого Дракона

Ты не думай, что могила  
Нашу цепь разорвет!  
То, что будет, то, что было,  
В вечном вечно живет!

**Тэффи**

*Восставший может  
погрузиться в бездну, а  
погрузившийся в бездну может  
вновь восстать.*

**Говард Филлипс Лавкрафт**

## Пролог

За окном все тот же туман. В полумгле очертания предметов становятся зыбкими, принимая порой гротескные очертания. Туман заползает в комнату сквозь незастекленную раму и стелется по столу, усыпанному хлебными крошками, тянется вокруг грязного стакана, тычется слепым щенком в полупустую бутылку

водки и рассеивается, смешиваясь с пыльным затхлым воздухом.

Кирилл равнодушно смотрит в окно. На расстоянии вытянутой руки двор внезапно погружается в молочную мглу. Он не может разглядеть ни покосившегося черного забора, ни калитки и сразу убеждается в том, что их больше нет — туман сожрал весь мир, оставив лишь этот дом. Он невольно улыбается своим мыслям и тотчас же морщится от изматывающей боли в животе, которая становится невыносимой. НЕЧТО внутри ворочается, неуклюжим комом задевая внутренности и... замирает.

Он машинально потирает живот. На этот раз боль откликается удаляющимся эхом, и он продолжает держать руку, чувствуя ровное биение пульса.

На прогнившее дерево рамы падают первые тяжелые капли дождя. Кирилл глубоко вдыхает, но вместо свежести, что должна принести с собой гроза, чувствует все тот же затхлый, тяжелый запах, въевшийся в каждую трещину этой развалюхи. Не глядя он привычным движением хватается за бутылку и делает несколько быстрых, нервно-судорожных глотков. Водка тяжелым огнем низвергается в пищевод, и только. Теперь, для того чтобы ощутить блаженство опьянения, ему нужно выпить куда больше, чем раньше. Порой ему

кажется, что он может и вовсе обходиться без воды, употребляя только дешевую, наверняка палёную водку, что продают в Пряжинском продуктовом.

Снова боль. Резкая, как будто глубоко в кишках прячется ледяное лезвие. Он морщится и делает еще глоток. Впрочем, водка не помогает. В последнее время толку от нее никакого. Если бы в Пряжино продавали героин, или что там нынче в моде, он наверняка употребил бы и его. Не для того чтобы заглушить боль, нет. К боли он привык. Скорее, для того, чтобы хотя бы ненадолго остаться в одиночестве, не слышать настойчивый монотонный шепот ДРУГОГО, запертого с ним в одном теле.

Шум Бездны...

— А ну тебя к черту! — звук собственного голоса кажется ему преступно-громким, разрывающим тонкую, вязкую магию тумана. В ответ шелест за окном усиливается, маскируя глухой стук калитки о мокрый забор. Дождь часто-часто барабанит по окну; отдельные капли залетают внутрь, оседая безобразными кляксами на дереве стола.

Он медленно поднимает руку и подносит ее к окну ладонью вверх. И тотчас же ошарашенно отдергивает, ощутив громкое шипение и весьма ощутимое жжение при соприкосновении с водой. Подносит руку к глазам и с недоверием

рассматривает покрасневшую мокрую кожу: он видит, или ему кажется, что в каплях копошатся крошечные полупрозрачные создания, но миг проходит, оставив после себя медный вкус во рту. С омерзением он вытирает руку о не первой свежести штаны. Надо постираться, но... надо ли?

От нового приступа боли кишки скручиваются в тугий ком. Боль распространяется на спину, и ему становится тяжело дышать...

И все проходит.

Кирилл встает с шаткой табуретки и идет в полутьму коридора. Там, едва освещенное светом, падающим из окна, на стене висит щербатое, засиженное мухами зеркало. Он останавливается напротив и внимательно смотрит на свое отражение, расплывчатое и мутное в полутьме. Если долго смотреть так, не моргая, то кажется, что за спиной у него кто-то есть — некто зыбкий, расплывающийся в клубящейся тени. Но стоит оглянуться — и морок пропадает, рассеивается. За спиной все тот же короткий грязный коридор, упирающийся то ли в кухню, то ли в гостиную — он так и не придумал ей названия. На кухне — стол, несколько стульев и большой ларь — он был здесь с самого начала, и Кирилл приспособил его под продукты. Электричества в доме нет, а следовательно, нет и холодильника. Да и не нужно — Пряхино в трех километрах через лес и все, что

потребуется, можно приобрести там. Впрочем, надолго ли, он не знал — деревня умирала и магазин могли просто закрыть за ненадобностью.

— Можно и кореньями питаться, — он оглядывается с удивлением и лишь спустя несколько секунд понимает, что сказал эту чушь сам. Не зная, как воспринимать сказанное, улыбается зеркалу. Заросшее спутанной бородой отражение — дикарь, с глубоко посаженными, тусклыми, как дыры в земле, глазами, с торчащими во все стороны давно невымытыми волосами, — улыбается в ответ. Даже не пригнувшись, он распознает тяжелый, звериный запах, исходящий от собственного тела. В последние дни к этому запаху стал примешиваться иной, пугающий смрад разложения. Ему все кажется, что это гнилое мясо, но ведь он больше не ест мяса, верно? Почему же...

Пытаясь заглянуть в дыры масляно-черных глаз и разглядеть гноистое присутствие Другого, прячущегося во тьме, он максимально придвигается лицом к зеркальной поверхности. Почти уткнувшись носом в амальгаму зеркала, видит все те же черные пустые дыры, так, словно туман и дождь выели глаза, оставив после себя угольную мглу.

— Ско-о-ро... — шепчет Другой, засевший в нем, тысячей голосов, мужских и женских, — ско-о-р-о-о-о...

— Заткнись! — Кирилл с трудом удерживается, чтобы не садануть кулаком по зеркалу. Разбить его к чертовой матери. Быть может резкая боль от стекла, разрезающего сухожилия, заглушит ту, другую боль, что становится все сильней и сильней с каждым днем и пугает его все больше и больше.

Существо внутри сухо смеется и замирает — теперь он ощущает его присутствие мертвой тяжестью замершего внутри матери плода.

Скоро... Что же знает эта тварь? Что... она знает?

— Я тебя никогда не отпущу... — шепчет он, но слова растворяются во все усиливающемся шуме дождя. За окном гроыхает, и секунду спустя дом окрашивается в мертвенно-белые цвета, молния бьет совсем рядом.

Он поворачивается спиной к зеркалу и медленно, по-стариковски бредет к столу. На деревянной поверхности вовсю играют в догонялки дождевые капли, и снова ему кажется, что в них резвятся крошечные прозрачные существа, каждое из которых несет смерть.

Он присаживается на шаткий стул и с тупым равнодушием смотрит в окно. Ливень должен был развеять туман, но этого не произошло — напротив, мгла за окном почти материальна, твердая, как брынза.

— Я тебя... никогда не отпущу, — повторяет Кирилл, — никогда... не... И снова небо за стеной твердого жирного тумана раскалывается громом, поглощая слова.

Сидя у залитого мутно-прозрачной жижей стола, глядя в сплошную стену тумана за окном, вслушиваясь в kloкочущее бормотание ливня, прерывающееся частыми раскатами грома, Кирилл осознает то, что знал с самого начала.

Что-то страшное грядет.

# Часть 1

## ПРОБУЖДЕНИЕ

*Почва мужского сердца  
камениста. И мужчина  
выращивает на ней, что может,  
и лелеет это.*

**Стивен Кинг, «Кладбище  
домашних животных»**

### Глава 1

#### 1

Дом стоял на самом краю кладбища, отделенный от кладбищенского забора лишь узкой дорогой. Двухэтажная постройка из выщербленного временем ракушечника квартир на десять, не более. Вадиму всегда казалось отчего-то, что в таких вот покосившихся, ветшающих жилищах обитают исключительно бородатые геологи да барды-любители в растянутых свитерах под горло. Он даже представлял себе запах захламленных крошечных квартир — сыроватая затхлость. Так пахнет давняя болезнь. Так пахнет безнадега.

Он задумчиво посмотрел на дом, который беззастенчиво пялился на него черными, без



проблеска света глазками-окнами. Одно из них было плотно забито почерневшими сырыми досками. На втором этаже впрочем, тускло светились сразу два окна. Вадим испытал внезапную сильную гадливость и отвернулся. Теперь он смотрел на кладбищенский забор — серовато-черный в сумерках. На грязном камне кто-то большими детскими буквами написал: «Жгите плющ! Он душит деревья!» Над забором возвышалось несколько совсем уж черных статуй с отбитыми головами. Словно в насмешку над неизвестным автором, все они были увиты тем самым плющом-душителем.

Он снова повернулся к дому. Двери единственного подъезда были нараспашку. За ними едва угадывалась площадка первого этажа, погруженная в вязкий, густой как патока мрак. Дом казался Вадиму мертвым. Мертвым... и в то же время... затаившимся, хищно подглядывающим светящимися гнилью окнами.

Он прищурился, и ему показалось, что там, на втором этаже, за полупрозрачным тюлем неподвижно стоит гротескная фигура с двумя головами. Но стоило ему моргнуть, как морок пропал.

Равно как и желание идти в этот чертов дом.

Сумерки сгущались. В воздухе повис тонкий, едва заметный запах мокрого асфальта, должно

быть, где-то пролился дождь. И все же воздух был совершенно неподвижен; густая зелень за кладбищенским забором стояла не шевелясь.

— Вот же чертов дед! — Вадим и сам не понял, как сказал это вслух. Собственный голос показался ему тонким и невероятно жалким.

Он развернулся и пошел прочь от дома. Буквально метрах в трех от него узкая дорога упиралась в широкое и совершенно пустое полотно скоростного шоссе. За последние пару минут здесь не проехал ни один автомобиль. Несколько автомобилей было припарковано на другой стороне шоссе, возле слабо светящейся рекламы заправки, но они выглядели заброшенными. Даже не давая волю воображению, можно было представить себе, что в мире не осталось ни одного человека. Даже шум машин, доносящийся издали, казался призрачным эхом.

Ни машин, ни людей... Он снова повернулся к дому (и к кладбищу) лицом. Как такое вообще может быть?

Впрочем... Поначалу ему показалось, что сумерки и близость кладбища сыграли с ним дурную шутку. Вадим прищурился... Так и есть — метрах в двадцати, у самого забора, прямо на пожухлой траве стоял низенький табурет, на котором примостилась женщина в черном платье и черном платке. Перед нею у самой дороги на земле

стояло металлическое ведро, из которого бесформенными кляксами в темнеющем воздухе торчали цветы.

Вадим с трудом поборол желание протереть глаза, как в детстве. Он готов был поклясться, что еще минуту тому назад никакой старухи у забора не было. Да и кому вообще взбредет в голову продавать цветы на ночь глядя? Тем более так далеко от входа... Нет, дорогие товарищи, вся эта история из рук вон!

Он сделал несколько шагов к старухе, скорее удивленный, чем напуганный, и споткнулся, когда навстречу ему из густой травы выросла черная тень.

Он остановился, ощущая все то же удивление, смешанное с растущим страхом. Существо, напротив, сделало шаг навстречу, оказавшись между ним и старухой.

— Сидеть! Сидеть!

Вадим опешил от совершенно нелепой команды в свой адрес, но почти сразу сообразил, что она относится к крупному, несуразно длинному псу, напоминающему таксу-переростка.

Пес тотчас же сел, все еще оставаясь прямо на пути Вадима, и широко зевнул.

— Вы не бойтесь его! — высокий женский голос неприятно вибрировал в тишине, — не тронет. Он вас не тронет! Идите, всем нужны цветы!

Не совсем понимая, зачем он это делает, Вадим приблизился к женщине. Проходя мимо пса, он постарался не выдавать страха; животные его чуют за версту.

Впрочем, животное и ухом не повело. Пес, демонстрируя полное равнодушие к происходящему, уставился на забор и более напоминал статую, выполненную скульптором-дилетантом, не разбирающимся в пропорциях, чем живое существо. В сгущающихся сумерках его шерсть казалась почти черной и почему-то мокрой. Вадим поборол бредовое желание прикоснуться к собаке и прошел мимо.

— Ну же, — зачастила, не давая вставить и слова, старуха, — выбирайте гвоздички! Вам кому? Матушке? Или сестре? Кто умер?

Вадим уставился на нее, не веря собственным ушам. Теперь, когда он подошел почти вплотную, оказалось, что перед ним вовсе не старуха. Женщине было немногим более тридцати — сумерки и платок, скрывающий волосы и большую часть лица, создавали обманчивое впечатление. Вадиму показалось, что правая щека женщины была несколько деформирована, словно ее кто-то жевал.

— Умер?

— Кто? — продолжала допытываться с пристрастием она.

Вадим смотрел на черные кляксы цветов, торчащие из ведра. Поначалу он думал, что это гвоздики, несомненно гвоздики. Но стоило присмотреться...

Вновь накатило отвращение. Цветочный запах был невероятно сильным, забивался в ноздри плотным, вязким комом. Ему стало тяжело дышать.

— Никто не умер, — наконец ответил Вадим. Теперь ему очень хотелось уйти, но отчего-то он был уверен, что стоит ему отвернуться, как старуха... или все же — не старуха... натравит на него свою дворнягу.

— Обязательно кто-то умер, — настырно продолжала уговаривать женщина, — всегда кто-то умер. Вот! — она протянула тонкую, неестественно белую руку и выбрала несколько гвоздик из ведра, — возьмите эти. Они прелестны, не правда ли? — она протянула цветы, и Вадим инстинктивно сделал шаг назад, оказавшись одной ногой на дороге.

Женщина рассмеялась.

— Всегда нужно иметь под рукой гвоздики, — выдохнула она, — вы пробовали есть кладбищенские цветы?

— Я опаздываю... — Вадим и сам понимал, как нелепо и жалко звучит его голос. Спиной он ощущал упрямый, злой взгляд дома. Он сделал еще шаг назад и теперь находился прямо на

полустершейся линии, разделяющей дорогу на две части. Сквозь растрескавшийся асфальт тут и там пробивалась редкая трава.

— Простите... — ему не хотелось поворачиваться спиной к женщине, все еще протягивающей ему цветы. С длинных стеблей вяло стекали черные капли.

— Обязательно попробуйте! Берите их с детских могил! Детские трупы пахнут увядшей радостью! — женщина снова рассмеялась и поднесла цветы к лицу. Вадим было подумал, что она собирается нюхать эти странные, не похожие ни на что гвоздики, но она широко раскрыла рот и, откусив от бутонов, принялась жевать.

Он буквально ощутил холодную, скользкую мякоть во рту. Плохо контролируя себя, повернулся спиной к женщине и быстро пошел в сторону дома. Черная пасть подъезда приветствовала его улыбкой слабоумного.

## 2

«Чертов дед! — сама мысль о том, что ему придется войти в этот подъезд, теперь казалась совершеннейшим абсурдом. — Да и какие гарантии? Врет, поди, старик — сейчас полно всяких шизиков, психопатов. Особенно среди старичья. Как рухнул их Союз, так и успокоиться не

могут. Кто в коммунисты подался, а кто... в сатанисты» — добавил он вслух. Поднял левую руку к глазам. Бафомет<sup>1</sup>, вытатуированный между большим и указательным пальцами, ухмылялся из черной пентаграммы. Вязь между лучами звезды была едва видна в неверном сумеречном свете. Но вот морда козла, его... Вадим поежился... Лицо, лицо Хозяина было очень хорошо видно. Козел смотрел прямо ему в глаза с упрямой, звериной яростью.

Он еще раз посмотрел в сторону женщины. Она неподвижно сидела у забора. На расстоянии было сложно определить — продолжает ли она пожирать собственный товар или нет. Пес трафаретом застыл в нескольких шагах от нее.

А и хрен с ней! Весь этот мир наполнен болезнью... как ведро кладбищенскими цветами.

Более не задумываясь, он решительно пошел в сторону дома, и вскоре разверстый черный зев подъезда проглотил его без следа.

### 3

Они познакомились на концерте «Скелетон Крю». Постфактум Вадим вспомнил, что видел

---

<sup>1</sup> Знак Бафомета — козлиная морда в пентаграмме, символизирующая Дьявола.

старика и до этого по меньшей мере дважды. Он мелькал на сейшенах и захаживал в «Таверну». Должно быть, старик заприметил его именно там.

— Ты представляешь, вообще, кто это? — восторженно шепчет Череп, бессменный фронтмен «Скелетон Крю», в перерыве между песнями. Вадим непонимающе пожимает плечами — ремень соскальзывает, и он едва успевает подхватить басуху. Он почти ничего не видит — зал задымлен настолько, что люди кажутся тенями, то материализующимися из пустоты, то исчезающими в клубящемся сизом чаде. Зал в «Космо» маленький, не приспособленный для рок-концертов даже столь нераскрученной группы. Акустика... О какой акустике вообще может идти речь в заведении, которое еще три года тому назад было общественной столовой? Вадим прищуривается. Зал наполовину пуст — он был уверен, что придет куда больше людей. Складывается впечатление, что местная публика вообще не за музыкой в «Космо» пожаловала — в дальнем углу зажимаются парочки неопределенного пола; посреди танцпола, покачиваясь, как под напором сильного ветра, стоит группа грязнучих панков; у одного из них на разорванной футболке написано красным: «Tell me that Satan loves you too!»<sup>2</sup> Прямо под сценой, на

---

<sup>2</sup> Скажи мне, что Сатана тоже любит тебя! (англ.)



полу, сидит толстый мужик в кожаной куртке и нехорошо мокрых в паху штанах. Перед ним валяется пустая бутылка из-под пива. Он снова пожимает плечами — свет, как всегда, выставлен через то самое место, что, по слухам, так любят целовать рогатому Хозяину на оргиях. Мониторы режут, несмотря на то что они ничего не играют — так, подстраиваются. Сзади невпопад бухает по ударной установке Рябой.

— Вот тот дед, видишь? — Череп вытягивает руку вперед, и несколько человек-призраков из зала, неверно истолковав его движение, орут и толкают друг друга.

— ХэМэРэ! — хрипит вусмерть пьяный мужик под сценой. Метрах в двух от него небрежно привалился к стене небритый толстый охранник. Он увлеченно ковыряется в носу.

Вадим вытягивает шею и, да, видит. У выхода, прямой как палка. Высокий такой старик в нелепой совершенно шляпе и... что это, плащ на нем? Точно, плащ. Выходец из прошлого прямо. Дед стоит неподвижно, скрестив руки на груди, и смотрит... Вадим внезапно чувствует легкое недомогание — зал плывет в сторону, и на мгновение все становится зыбким, сотканным из тонкой, рвущейся паутины...

— «Скелетон Крю-у!!!!» — Череп ревет в микрофон на пределе легких.

— Рок, сука, давай! — кричит кто-то из толпы.

— Покажи фанатам... сиськи, детка! — бормочет алкаш под сценой. Вадим удивляется, как он мог вообще услышать эту фразу: звуки давят на него со всех сторон, ему душно. Он снова упирается взглядом в старика — тот улыбается и приподнимает шляпу.

— Так кто это? — он поворачивается в сторону Черепа, но Череп уже шепчется с Зайцем, высоким, нескладным парнем с огромным зеленым ирокезом. Заяц кивает, улыбается, показывая черные совсем зубы, и выдает несколько ревущих аккордов.

— По просьбе наших фанатов!.. — многообещающе орет Череп в микрофон, — «Дооооом тысячи трупов»! Аве, Сатани!

Вадим смотрит вниз, под сцену. Их самый преданный фанат заснул или потерял сознание. Он неловко распластался на боку, из-под штанов натекла совсем уж недвусмысленная лужа.

Когда он переводит глаза в противоположный конец зала, старика уже нет.

— Так кто это был-то? — концерт закончился после того, как Заяц в попытке выдать пого<sup>3</sup> выдернул шнур и они лишились ритм-гитары. Они быстро собрались и уступили место Ташлинским «Волкодавам» — скинхедам, играющим в духе раннего «Vuzum»<sup>4</sup>. Впрочем, фашики были настолько обдолбаны, что вот уже десять минут безуспешно пытались подсоединить гитары к усилкам.

— Гаргарот... — таинственно хрипит Череп и тотчас же отвлекается, — у, сука! — замахивается он на Зайца, что стоит чуть поодаль, придерживая одной рукой гитару в чехле, а другой нежно сжимая полупустую бутылку, — падло, испортил все!

— А че я испортил? Я тебе говорил: «шнур — говно», — равнодушно отвечает Заяц, — надо было не жмотить, а купить шнур нормальный.

— Виталь! — Вадим дергает Черепа за плечо. Тот поворачивается, смотрит на него глуповато.

— Какой на фиг Гаргарот? Древний демон, этот?

---

<sup>3</sup> Здесь — фирменный танец панков. Прыжок вверх.

<sup>4</sup> Одиозная Норвежская рок-группа.

— Этот, точно... Ты что... Ты дурак, да?

Вадим чувствует растущее раздражение. Он еще не совсем отошел от давешнего помутнения на сцене — в голове шумит, спертый воздух давит.

— Я пошел домой, — он и вправду почти поворачивается спиной к Черепу, но тот хватается его за рукав.

— Этот дед... Он отец местного Сатан-движения.

— Так он отец или дед?

Череп злобно сопит:

— Он диалектик! Про него говорят, что еще в девяностых он привез сюда книги Ла Вея. Сам и переводил, прикинь? И потом... не только Ла Вея, чувак. Кроули... шмоули, у него все есть! Он даже... — Череп осекается на полуслове. Вадим терпеливо ждет.

— Про «Черную книгу» Ди слышал? — Череп выразительно хмурится и бросает осторожный взгляд на Зайца. Тот, впрочем, старательно делает вид, что его все происходящее не касается.

— Про... Ты имеешь в виду Джона Ди<sup>5</sup>?

---

<sup>5</sup> Джон Ди, иногда Дии (англ. John Dee; 13 июля 1527, Тауэр Уард, Лондон, Англия — 26 марта 1609, Мортлэйк, Лондон, Англия) — английский математик, географ, астроном, алхимик, герметист и астролог валлийского происхождения. Автор книг по енохианской магии, в которых

«Енохианские ключи»?

— Да в сраку «Енохианские ключи»! «Черная книга»! Его последний... — Череп морщится в попытке подобрать нужное слово, — ...манускрипт!

— Ага, инкунабула. Чес это все! Нет такой книги!

— А он говорит, что есть! У него есть...

— У кого?

Вместо ответа Череп хватает его за затылок и с силой поворачивает голову.

— Вот у него...

## 5

Старик, тот самый Гаргарот, стоит в двух шагах. Все в той же нелепой шляпе и плаще, застегнутом наглухо. Он приветливо улыбается.

— Вы позволите, молодые люди? Я, вынужден признаться, краем уха прислушивался к вашей беседе... Выходит, мы знакомы заочно. А вот я... не имею чести знать...

— Череп... Виталик, — неловко бурчит Череп. Кажется, ему не по себе.

---

используются заклинания, якобы на енохианском языке (языке ангелов), записанные в результате сеансов общения со сверхъестественными существами.

Но старик смотрит не на него. Он смотрит на Вадима.

— Я вижу, у вас татуировка любопытная, — снова улыбается он, — интересуетесь или просто так, по молодости?

— Интересуюсь и весьма, — откуда это «весьма» появилось вообще? — Мы... сатанисты. — сказал и осекся, поражаясь глупости и неуместной высокопарности вылетевших из него слов.

— Вот оно как, — вежливо кивает старик. — ну, что ж, добро пожаловать в клуб по интересам. Вас как звать-величать?

И вот тут Вадим понимает, что ему совершенно не нужно отвечать старику. А нужно немедленно повернуться спиной и уйти, уйти быстро, пока еще не слишком поздно... Ощущение приходит и уходит, оставив после себя липкий неприятный след.

— Вадим он! Ну или Аль-Хазред<sup>б</sup> — это как вам угодно! — орет Череп и хлопает старика по плечу. Тот отстраняется, и Вадим с удивлением замечает, что люди за его спиной инстинктивно отступают, словно боятся, что старик прикоснется к ним.

— Аль-Хазред это славно, славно! —

---

<sup>б</sup> Мифический Безумный Араб; из книг Г.Ф. Лавкрафта.

разулыбался старик, — послушайте, ребята, вы не против, если мы переместимся куда-то в более... тихое место? Здесь сильно уж накурено и... — он болезненно морщась, кивает в сторону сцены, на которой нелепо мечутся бритые и упоротые «Волкодавы», — вся эта суета... Там и пообщаемся, лады?

«Не лады! Вовсе не лады!» — хочет сказать Вадим, но Череп уже шумно соглашается и снова хлопает старика по плечу, словно и не замечает, что все это неправильно: и плащ этот, и шляпа дурацкая, и этот необычный сладкий запах увядших гниющих цветов, исходящий от старика.

Они выходят из зала. Уже в дверях мужчина останавливается и, приподняв шляпу, произносит:

— Кольцов. Юрий Владимирович! К вашим услугам, господа.

## 6

А потом... Потом было все страньше и страньше. Они встречались поначалу в «Таверне», и как-то раз Кольцов пригласил их на... Вадим так и не понял — что это было... на семинар, должно быть. Кроме него и Черепа там находилось еще человек десять — никого из них он не знал, да и не хотел знать, столь нелепо — несуразно они выглядели. Более того, его не покидало ощущение,

что люди эти были просто статисты, не более того. И присутствовали они на семинаре исключительно для того, чтобы создать видимость... Но зачем?

Его страх перед стариком не исчезал, а увеличивался, холодным снегом наполняя душу. Но вместе со страхом росло и восхищение этим странным, не от мира сего, человеком. Постепенно Вадим начал понимать, что все, о чем он читал, все, чем увлекался до сих пор, — не более чем детский лепет. Потуги понять истинную природу... Тьмы.

— Это тебе не кошек к крестам прибывать, — с уважением бормотал Череп. Вадим отмахивался, в последнее время общество Виталика начало его напрягать. Он испытывал странное чувство, ближайшим аналогом которому была... ревность? Ревность, несомненно, словно вся мудрость Кольцова должна была достаться ему и только ему. Разве не к нему тогда пришел старик? Разве не ему улыбнулся на концерте?

Их встречи становились все более и более частыми и в то же время все более странными. Кольцов то приглашал его пройтись по набережной в дождливый день и подолгу болтал ни о чем, то и дело останавливаясь и вглядываясь в далекий, стонущий маяк. То звал с собой на концерт классической музыки в клуб, ни названия которого, ни месторасположения Вадим запомнить не мог. То просто звонил и рассказывал. Рассказывал много, и



каждое произнесенное слово казалось Вадиму многогранным и важным.

Он несколько раз пытался расспросить старика о «Черной книге», но Кольцов все отмалчивался, кивал неопределенно. Мол, не сейчас, не время еще.

— А знаете, Вадик, — сказал он как-то, задумчиво глядя на проносящиеся по трассе машины, — ведь в каждой из этих, с позволения сказать, коробок на колесах едет живой, мыслящий человек, искренне уверенный в том, что весь без исключения мир является его вотчиной. Собственностью или плодом воображения, это уж у каждого по — своему. Но никто, ни один из этих водителей, столь искусных в маневрировании, не в силах представить себе великую человеческую общность! Да... Люди-острова... Кто это сказал... не припомню... И островов этих становится все больше и больше с каждым днем. Планета задыхается, гибнет, а острова растут и множатся. А может быть... — он неожиданно плюнул на асфальт, — может быть, и не острова это вовсе, а метастазы?

В другой раз он спросил Вадима, насколько хорошо тот представляет себе великую цель. Вадим даже и вопроса не понял. Начал было мямлить что-то, но Кольцов перебил его на полуслове:

— Все чепуха. Единственная цель всякого

живого существа — внести свою лепту в Высшее Вселенское Благо. Воспринимать себя не только как индивидуум, но и как часть целого. Интересы индивидуума, сколь бы священны они ни были, меркнут перед интересами целого. И я не говорю о стране, о политике, о национализме этом вашем клятом, нет. Я говорю о человечестве как биологическом виде, постоянно взаимодействующем с иными биологическими видами. Порой даже маленький таракан куда более важен, чем целый детский дом. И если судьбе угодно пожертвовать кем-то ради блага всех, то жертва эта является искупительной — и задумываться о ней, и сожалеть о ней смысла нет.

Вадим хотел спросить — как все это соотносится с философией лавейзма <sup>7</sup>, проповедующей прежде всего индивидуализм или, как любил говаривать сам Кольцов — разумный эгоизм, но заглянув ему в глаза, передумал.

## 7

Он и сам не заметил, как стал проводить с Кольцовым куда больше времени, чем с приятелями. Поначалу к ним зачастую

---

<sup>7</sup> Антон Ла Вей — основатель Церкви Сатаны. Автор «Сатанинской библии».

присоединился Череп — в свое время именно он подогнал Вадиму «Сатанинскую библию» и плохую распечатку «Сатанинских ритуалов». Он же неоднократно заводил разговор о том, чтобы открыть в их городке ковен — отделение Первой Церкви Сатаны.

— Весь прикол в том, что с Первой не берут за регистрацию. Хочешь стать священником — пишешь эссе и отправляешь в Салем. Если ты им пришелся по духу, все замечательно. А лавеисты, мать их, требуют вступительный взнос... и еще, поди, профсоюзные, — азартно бредил он в «Таверне». — А тут расклад такой. Открываем ковен. Набираем инициативную группу и начинаем вербовать молодежь. Ну как эти... Адвентисты, мать их! Чем мы хуже?

Однако чем больше Вадим общался с Кольцовым, тем более детскими и незрелыми казались ему выходки товарища. Все эти Сатанинские Церкви, ритуалы, под корень вырванные из контекста «Енохианской магии» Джона Ди... Сплошная незрелая чепуха. Кольцов же, пусть и не давал ему конкретики, будто проверяя его на здравомыслие и терпение, но... Было в старике что-то... настоящее... Словно он один постиг истинную природу... Зла? Верно, Зла, во всем его многообразии.

Лето прошло как в тумане. Он редко

появлялся на репетициях; практически перестал захаживать в «Таверну». Все чаще ловил себя на мысли, что ждет звонка Кольцова как наркоман очередной дозы.

Поздним августом, когда солнце плавало асфальт и превращало город в воск, к нему неожиданно заглянул Череп. Вот уже несколько недель как Виталик не появлялся на их встречах со стариком и даже трубку не брал, а тут появился собственной персоной.

Стоя на пороге в одних трусах, Вадим не без любопытства разглядывал приятеля. Выглядел Череп так, словно не мылся с неделю. Заплывшие глаза, под глазами черные мешки — не иначе пил, сволочь, беспробудно. И не вызывал ни сочувствия, ни желания приглашать его в квартиру, более того, Вадим испытал внезапную гадливость.

— Ты это, — Череп говорил хрипло, невнятно, — к Кольцову не ходи больше, понял?

Вадим ничего не ответил. Он боролся с желанием захлопнуть дверь.

— Ну вот... Я узнал кое-то... Он же, Гаргарот этот сраный, вообще... Это не кошек к крестам прибывать! — истерически зашептал Череп; его глаза в черных кругах все бегали и бегали, стараясь уловить взгляд Вадима, но тот смотрел скучающе куда-то вбок, словно и не видел товарища.

— Мне Сильвер рассказал... Ну я не поверил,

сука... Что они... Он же раньше тоже из наших был, Сильвер-то... По кладбищам с посохом шастал, силу, типа, у мертвых крал. А потом познакомился с Гаргаротом — и все... Ну помнишь, он пропал тогда? Мы все думали, спекся, мол, Сильвер, попался на плане и сидит уже на казённых харчах? Помнишь?

— Тебе что нужно, Виталик? — скущаяще спросил Вадим.

Череп отпрянул от него и даже поднял руки ладонями вперед.

— Ах, падло... Обработал он тебя, да? Слушай, Хазредыч, не ходи к нему! Знаешь где Сильвер был все это время, знаешь? — он почти кричал, — в психушке, в Ленивом переулке сидел. Они его отпустили, к маме... на поруки. Вот только все, хана Андрюхе. Он совсем неживой. Я у него был с недельку тому, до сих пор отойти не могу. Он мне все рассказал про этого Гаргарота... Ну... — Череп нервно облизал губы и неожиданно улыбнулся, улыбка получилась жалкой, дрожащей. — Он тебе уже про вселенское благо вещал, да? А, вижу вещал... Вот и Сильверу тоже. А потом как-то... Он ему нож дал! — теперь Череп кричал, его голос отражался от стен и неприятно резал уши ржавым металлом, — нож, понимаешь? С тонким таким лезвием. На, говорит, там у меня в подвале... в подвале у него, понимаешь?.. Ты уже

был у него в подвале?

— Виталик, иди в жопу, — Вадим начал было закрывать дверь, но Череп вцепился в нее тонкими, черными, в земле, пальцами.

— У него там на полу бетонном лежала девочка, Вадик. Ну, лет пяти, Сильвер говорит. И вроде как спала, но и не спала. Глаза открыты, все такое, но дышит. И ни на что не реагирует. А голова у нее на такой приступочке, типа... Только это не приступочка ни хера! Это книга! Та самая, понимаешь? А Кольцов этот, Гаргарот, он ему и говорит, иди, мол, во славу общности и «Черной книги». Перережь ей горло, потому что нужно это сделать, необходимость в этом есть Вселенская.

Ну что ты смотришь на меня как баран? Ты не понял до сих пор, да? Они там людей режут как скот! И Сильвер, Андрюха наш, он ведь, сука, не договаривает, все мямлит, мол, сбежал я, то да се... Я-то ему верю, что сбежал, но он ведь видел там что-то еще, секешь? Что-то... совсем плохое... такое, от чего у него крыша поехала! Я его и так и сяк, а он молчит, глаза черные, смотрит ими, лупает и молчит.

А я вот что думаю, Вадик... Он там не только смерть увидел. И то, что он разглядел, ему мозг выжгло как от электрошока. Ему теперь только в телик пялиться.

Вадим пожал плечами.

— Все сказал? — вяло-равнодушно протянул он. Ему было противно стоять рядом с Черепом. Он боялся, что тот коснется его своими черными пальцами или протянет руку, что в принципе одно и то же.

— Вадик... Это не шутки...

— А кто тебе сказал, что я шучу? Это ты со своим ковенем в песочницы играл. А здесь все по — взрослому. Сам виноват, Виталя. Не надо было меня с ним знакомить!

Череп устало как-то вздохнул и сразу постарел, скукожился.

— А, все равно, — пробормотал он, — если бы я тебя с ним не познакомил, он бы сам тебя нашел. Ведь не я ему нужен, а ты... Только с тех пор как я с Сильвером поговорил, Гаргарот все названивает мне домой, прикинь? А я ему домашнего не оставлял. С мамой моей говорил... Мол, у нас кружок... — Череп хихикнул, — ... по интересам!

— Иди домой, Череп. И вообще... забудь. Играй свое панк-говно. Мне не до тебя теперь.

Вадим с силой потянул дверь на себя — Череп еле успел выдернуть пальцы. Постоял в полутемном коридоре, испытывая сложную смесь эмоций — было ему и жалко Черепа, который явно спятил или обкушался чего-то, но всяко был слабым, никчемным и, соответственно —

ненужным человечком. И в то же время ему хотелось снова распахнуть дверь, догнать приятеля, ухватиться за его патлы и приложить его хорошенько о стену да так, чтобы что-то хрустнуло, сломалось в его немой башке. Вот только сама мысль о том, что придется прикасаться к сальным волосам, вызвала сильную гадливость. Нет, пусть идет в жопу. Алкаш, бомж вонючий!

— Это не кошек к крестам прибывать! — донеслось из-за двери. Череп еще что-то кричал, захлёбываясь, сбивчиво, но Вадим повернулся спиной и побрел в ванную комнату — нужно было отмыть руки от... всей этой мерзости.

## 8

Осень пришла неожиданно, принеся с собой дожди и долгожданную прохладу. Вадим больше не виделся с Черепом, даже и не звонил ему ни разу. И не испытывал по этому поводу ни малейшего сожаления. Теперь он проводил с Кольцовым все свободное время, ни разу даже не посетив институт с начала семестра. А и пусть отчисляют! Все это пустое и никчемное по сравнению с той силой, что исходила от старика.

Как-то поздним вечером они сидели на скамейке в темном запущенном парке, более походившем на лес. Кольцов неожиданно достал из



кармана пачку сигарет, и задумчиво посмотрев на нее, открыл, понюхал зачем-то и протянул Вадиму.

— Я же не курю, Юрий Владимирович... — его брови взметнулись вверх от неожиданности, — а вы разве...

— Я тоже, как правило, не курю, Вадик, — Кольцов улыбнулся, — но тут, видишь, какой коленкор. Иногда нужно. Он извлек из пачки сигарету, вставил ее в рот, побил себя по карманам и хлопнул себя по колену.

— Вот шляпа! Спички забыл! Слушай, старик, а может быть, ты попросишь у кого подкурить?

Все происходящее казалось Вадиму каким-то бредом. Он уставился на Кольцова, но тот, судя по всему, не шутил. Старик смотрел на него спокойно, без улыбки. Зачем он это делает?

— Ну ладно, хорошо... — он взял сигарету и вышел на совершенно пустую и темную аллею. Огляделся, не увидел никого и пошел было назад, но вспомнив про взгляд Кольцова, остановился. «Нет, определенно, старый хрыч хочет, чтобы он эту сигарету подкурил. Стало быть, для него это важно... Ну и хер с ним, сделаем!» Он быстро пошел вперед. Кругом черными неподвижными стражами стояли деревья.

Метрах в тридцати, под неработающим фонарем вросла в землю очередная скамья. На ней сидели двое — тени, а не люди. Сидели абсолютно

неподвижно, молча. Вадим подошел поближе и увидел, что во рту того, что ближе к нему, едва курилась зажженная сигарета.

Оказавшись у скамьи, он улыбнулся и тотчас же осёкся, понимая, что в такой темноте улыбку могут и не разглядеть.

— Вечер добрый, уважаемые!

Двое не ответили. Стоя прямо перед ними, Вадим понял, что оба пьяны. На том, что с сигаретой, была нахлобучена кепка. Его приятель был лысым, массивным. Он чем-то напоминал медведя, замершего перед нападением.

— Я говорю, можно подкурить?

— Ну можно, разумеется, — сонно произнес медведь. Он порылся в карманах, достал зажигалку. Вадим протянул руку, но медведь отвел свою в сторону:

— Надо бы подогреть нас чем. А, студент?

Кепчатый с сигаретой, хрипло заржал.

— Ну, там, лаве есть? Мы тебе огонь, ты нам лаве, типа бартер, да? — медведь неожиданно быстро встал и оказался прямо перед Вадимом. Он был на голову выше и шире в плечах. Второй продолжал сидеть, но было в его позе что-то нехорошее — казалось, он в любую секунду готов броситься на Вадима без предупреждения. Окурок тлел между губами и каждый раз, когда он затягивался, огонь отражался в его глазах.

Почему-то Вадим ни на секунду не усомнился в том, что просьбу Кольцова... скорее приказ, чем просьбу, судя по выражению лица, нужно выполнить. Более того, несмотря на агрессию, исходящую от этих двоих, он не испытывал страха. Легкое любопытство, не более.

— Дело должно быть сделано, — произнес он, сам не понимая, зачем.

Кепчатый ухмыльнулся. От него разлило водкой и застарелым потом.

— Слыхал, Даня! «Дело должно быть сделано».

Курец выплюнул окурок и тот разбился в искрах о грудь Вадима.

— А если мы тебя... — лениво произнес он, и неожиданно в правой руке его блеснула сталь, — щас распотрошим чутка? Ты как, студент?

Вадим стоял, не шелохнувшись. У него не было и шанса против этих двоих, но...

«... Дело должно быть сделано...»

Некая часть его, возможно, последние крохи рационального «Я», надежно спрятанные за каменной стеной безумия, отчаянно сопротивлялась. Сейчас он умрет, умрет глупо и позорно. И ради чего?

— Позвольте мне подкурить? — сказал кто-то.

«Нет, это ведь он сказал, и это будут

последние слова в его глупой никчемной жизни! Прав был Череп — Кольцов аферист и, возможно — маньяк! Но все это уже неважно... И «Черная книга» эта сраная и...» — он замер, ожидая первого касания ножа.

Но вместо этого верзила в кепке протянул ему зажигалку.

Вадим уставился на него, не веря своим глазам. Тот ухмыльнулся и чуть ли не с силой впихнул зажигалку ему в руку.

— Наше вам, уважаемый, — медведь карикатурно поклонился, разведя руки в стороны, — мастеру передавайте большой привет.

— Шемхамфораш <sup>8</sup>, брат! — прохрипел курец, — иди с миром...

Оба повернулись как по команде и быстро пошли прочь.

Вадим постоял в темноте, чувствуя, как прохладный ночной ветер треплет длинные волосы. Посмотрел на зажигалку — на ней был изображен Микки-Маус, расплывшийся в широкой дегенеративной улыбке, и написано что-то неразборчивое. Сунул ее в карман и побрел обратно к Кольцову.

Тот сидел на скамье прямо, словно аршин

---

<sup>8</sup> Древнееврейская фраза, означающая 72-кратное имя Бога. Используется сатанистами в качестве прощания.

проглотил и Вадим задался вопросом: «сколько же лет Гаргароту на самом деле? — Он привык про себя называть его стариком, но так ли это? — Кольцову могло быть как пятьдесят, так и семьдесят — на лице почти не было морщин; глаза смотрели ясно, а тело под этим нелепым плащом вполне могло принадлежать борцу».

— Ну что, Вадик, принес огня-то? — елеинно спросил Кольцов.

Вадим молча протянул ему зажигалку. Тот принял ее, едва взглянул и отшвырнул в кусты.

— Молодец, — тихо произнес Гаргарот, — справился. Пойдем домой, что ли? Поздно уже, да и сквозит. Не для моих костей погодка...

## 9

Телефон зазвонил ранним утром следующего дня. Пребывая в полусне, Вадим слышал, как мать взяла трубку, произнесла дежурное «Алло», а потом, словно задохнувшись, пробормотала несколько невнятных совсем уж слов и, судя по звукам, бросив трубку прямо на столик, поспешила к его двери, но, против обыкновения, не распахнула ее настежь без предупреждения, а остановилась под дверью, переминаясь с ноги на ногу.

— Что? — пробормотал он, приоткрыв один глаз.

— Тебя... нужно к телефону... — фраза прозвучала бредово и отчего-то напугала его. Сон как рукой сняло. Вадим сел на кровати, пошарил ногой в поисках тапочек, но нащупал лишь коробку от какого-то компакт-диска. Плюнул и, как был, босой прошлепал к двери.

Распахнул ее и натолкнулся на взгляд матери. Глаза у нее были странные, поплывшие.

— Возьми трубку, Вадик, — пробормотала она и принялась пятиться по — рачьи.

Он протиснулся мимо и, подойдя к журнальному столику, испытал сильное желание вернуться в свою комнату и лечь спать. Телефон лежал в ворохе старых газет и выглядел... опасным, как притаившийся в кустах волк.

— Алло.

Поначалу ему показалось, что там, на другом конце провода, кто-то старательно надует воздушный шарик.

— Говорите, кто?

— Вадинька... — женский знакомый голос. Секунды хватило, чтобы понять, что это мать Черепа, как ее... Лидия что-то там.

Во рту стало вязко, как после новокаина.

— Слушаю...

— Вадинька, это мама Виталика... Это Лидия... Михайловна («Ну да, разумеется, Михайловна, как он вообще мог забыть?»), тетя

Лида... — почему-то именно это совершенно неуместное «Тетя Лида» заставило его испугаться всерьез.

— Что-то... нужно вам? — невпопад спросил он.

— Да... это... С Виталиком беда, — выпалила женщина и расплакалась, скорее, завывала прямо в трубку.

Странно, но в ту же секунду онемение, распространявшееся во рту, равно как и страх, принялись отступать.

— Что с Виталиком... — он помедлил и добавил: — тетя... Лида?

Рыдания и вой на другом конце трубки превратились в какое-то жидкое бульканье.

— Я не понимаю... Что вы говорите там? — теперь страх прошел полностью, уступив место раздражению.

— Виталик... упал... — Упааал... — женщина снова принялась выть.

— Куда упал? — теперь Вадиму хотелось повесить трубку и вернуться в постель. Вой действовал ему на нервы.

— С балкона упал! — взвизгнула женщина, и словно плотину прорвало, — разбился он! Прыгнул! Насмерть! Сыночек мой... Я думала, тебе нужно... Вы же друзья были...

Вадим отнял трубку от уха и озадаченно

посмотрел на нее. Трубка как трубка, ничего особенного. Он осторожно положил ее на рычаг и присел рядом на низкую шаткую табуретку.

Стало быть, вот оно как...

— Вадик... — он поднял голову. Мать стояла в двух шагах, бессильно привалившись к стене, по — бабьи поднеся одну руку ко рту.

— Ты в порядке, сынок?

— Спать хочу, — буркнул он и встал с табуретки.

Телефон зазвонил снова — и внезапно страх вернулся, перерос в ужас. Он уставился на аппарат, пытаясь заставить его замолчать, но тот звонил, звонил, захлебываясь.

— Ты... не хочешь брать трубку, да? — пропищала мать из-за спины.

«Да, я не хочу брать трубку, ты — старая тупая овца! Не хочу притрагиваться к этому сраному телефону, потому что мне насрать на Черепа и на его мамашу, и на всю их рабоче-крестьянскую семейку, но я боюсь, боюсь, и сам не знаю чего!» — ему хотелось повернуться и заорать прямо в лицо матери, но вместо этого он протянул руку и осторожно поднял трубку. Поднес ее к уху, ожидая услышать уже знакомое захлебывающееся бульканье Лидии, как ее там, Михалны, но подсознательно будучи уверенным в том, что это не она, о, нет, милые мои, не она это,



но ее сын, еле шевелящий разбитыми губами. Звонит из морга... Ведь даже мертвецам полагается один прощальный звонок, верно? Звонит, чтобы закончить начатый на лестничной площадке разговор...

— Доброе утро, Вадим. Не разбудил?

Это был Кольцов.

Страх мгновенно перерос в панику, и он понял, что боится этого нестарого старика, боится его больше всего. Нужно было бросить трубку и никогда больше не отвечать ни на какие звонки. Уехать из города, если нужно...

Он потряс головой, удивляясь сам себе. Какая-то чушь.

— Да, Юрий Владимирович!

— То бишь, разбудил? — Кольцов звучал весело, даже игриво.

— Нет... то есть... не совсем. Меня уже до вас разбудили.

— Ну да, ну да... Бедный Виталик, правда? Такой молодой... столько всего впереди... Мои соболезнования, Вадик.

Трубка пиявкой больно вцепилась в ухо.

— Откуда вы...

— Мне сообщили прежде всех. Мы же так близки были... с по... — Кольцов словно подавился, и Вадим даже подумал, что он всхлипывает, — с покойничком... И старик

рассмеялся беззаботно, будто только что отмочил удачную шутку.

— Слушай, Вадик, — не давая Вадиму опомниться, продолжил он, — насчет вчерашнего. Ты молодец. Я и раньше догадывался, что это ты... — он сделал паузу, и Вадим понял, что ему не хочется ни о чем спрашивать у Кольцова. Не мог он и положить трубку — она будто намертво присосалась к уху.

— Ну вот и славно, — продолжил Кольцов так, словно все уже сказал, — ты меня как-то спрашивал о «Черной книге». Интересно еще?

— Мне... Конечно, но Юрий Владимирович, я...

— Ты, Вадик, должен думать исключительно о двух вещах в настоящее время. Первое — своя личная выгода. Профит прежде всего. Так, кажется, рекомендует ваш Антон Шандрович<sup>9</sup>? И второе — общая вселенская польза. Вопрос я задам еще один только раз, и после этого у тебя будет выбор. Скажешь да — и превратишься в Алису, что падает в кроличью нору. Кто знает, какие чудеса ждут тебя там, где гудят маяки Олиума? («Боже, что он говорит, что несет?») Скажешь нет — и я повешу трубку и исчезну из твоей жизни навсегда. Но грань, Вадим, грань невозможно переступить и

---

<sup>9</sup> Антон Шандр Ла Вей, основатель Церкви Сатаны.

вернуться. Ты должен понимать, что каждое решение ведет к последствиям. Твой друг... Череп... рассказывал тебе про... — он помедлил, — девочку?

«Девочку... Он сказал — «девочку». Ведь он говорит про... Про что он говорит этот мерзкий старикан, про что же?»

Он кивнул.

— Отлично, — тотчас же отреагировал Кольцов, и Вадим испугался так сильно, что вынужден был опереться свободной рукой о столик. — И ты помнишь про общее вселенское благо, верно?

— Да... — выдохнул он.

— Так что там с «Черной книгой»? Хочешь попасть в нору, ученик?

— Да, учитель... — прошептал Вадим, ощущая, что с каждым словом на него наваливается совершенно неподъемная ноша.

— Выбор сделан, — хихикнул Кольцов, — записывай адрес. Это... моя квартира. Не бог вещь что, но, все же, своя. Я бы хотел пригласить тебя на... чай, словом. Сегодня, к восьми, ты свободен?

— Да.

— Хорошо. Ручка есть? Пиши... Это... рядом с Центральным кладбищем. Осиповское Шоссе, 12. Там скоростная, ты можешь на 146 — й маршрутке до Брюллова, потом просто переходишь через

дорогу, и все. Прямо напротив кладбища, я сказал уже, да? Квартира три. Два раза постучишь, трижды позвонишь... — он помолчал немного, ожидая реакции, и расхохотался: — да шучу я, что ты как дурак там сопишь? Понял все?

— Все... понял, — заученно повторил Вадим.

— Хороший мальчик. Жду. И вот еще, Вадик.

Выбор сделан, понимаешь?

— Да... спасибо, я понял.

— Очень славно... Ну, давай тогда, до встречи!

Вадим еще долго сидел так у стены, прижав трубку к уху, и слушал, слушал бесконечное низкое гудение. Мать, очутившаяся в двух шагах от него, что-то бормотала, судя по постояннодвигающимся губам, но он не мог разобрать ни слова. Она казалась ему плоской, как из картона вырезанной. Как он мог до сих пор вообще верить в то, что она его мать? Эта... эта кукла чревоушателя?

Он нашел в себе силы встать и, покачиваясь на ватных ногах, прошел мимо, толкнув ее плечом. Она зачем-то ухватилась за его локоть, но он стряхнул руку и захлопнул дверь комнаты прямо перед ее носом.

Повалился в постель и позволил угольно — черному мраку поглотить его.

Ему снились маяки.

В подъезде было темно и воняло чем-то сладковато-прелым. Остановившись перед едва угадывающейся во мраке лестницей, Вадим пошарил рукой в поисках перил, но тотчас же отдернул ее, прикоснувшись к чему-то неожиданно мягкому и влажному.

— Чертов дед! Чертов дед! — шептал он скорее для того, чтобы просто слышать что-то — звенящая тишина давила на барабанные перепонки, забиравась в ноздри, лишая возможности дышать.

Он поднялся на несколько ступеней и оказался на площадке первого этажа, едва освещенной уличным светом, падающим из окна на полпролета выше. На площадке были две двери; одна полуоткрытая висела на петлях — Вадим отвел глаза, стараясь не смотреть в черный проем — манящий, завораживающий. Ему все казалось, что за дверью этой, в глубине совсем уж черного коридора заброшенной квартиры кто-то стоит.

Вторая дверь была грубо накрест заколочена досками. На стене рядом было нанесено любительское граффити, изображающее восемь стрел, разлетающихся из точки.

Вадим отвернулся и побрел на второй этаж. Оказавшись вровень с разбитым окном, он остановился, почувствовав поток неожиданно

холодного воздуха с улицы. Но вместе с холодом сквозняк принес с собой уже знакомый прелый смрад.

Он быстро поднялся на второй этаж. С площадки лестница поднималась еще на полпролета и упиралась в кособокую дверь, должно быть, ведущую на чердак. У самой двери неподвижно лежала груда какого-то тряпья. На самой двери был намалеван все тот же знак — стрелы, летящие из кажущейся совершенно черной точки-глаза. Одна из них указывала прямо на тряпье. Невольно Вадим зафиксировал взгляд на куче, и ему показалось, что она чуть шевелится, ползет понемногу к лестнице вгосторону.

Усилием воли он заставил себя отвернуться и оказался перед двумя квартирами. На дверях не было номеров; в темноте они казались совершенно идентичными, более напоминая декорации к какому-то фильму ужасов.

— Ау... — неожиданно для самого себя негромко произнес Вадим.

За спиной раздался тихий, но вполне отчетливый в оглушающей тишине шорох.

Он мгновенно обернулся, подсознательно ожидая увидеть... Кого? Черепа с разбитой головой, тянущего к нему свои окровавленные руки? Или быть может...

Ничего... все та же дверь. Все та же куча,

лежащая у порога. Вот только теперь она была чуть ближе к лестнице. Чуть ближе к нему.

Чушь. Он решительно повернулся спиной к куче и постучал в ту дверь, что слева. Громко, не заботясь о том, чтобы искать звонок.

Шорох за спиной повторился, сопровождаемый тихим протяжным стоном. Одновременно усилился смрад, мгновенно забивая ноздри носочной вонью.

А потом Вадим, застывший у двери квартиры, отчетливо услышал мокрое, хлюпающее *скольжение* за спиной. И снова стон, протяжный, задыхающийся, полный муки и... жажды.

Он неистово заколотил в дверь. В эту секунду он совершенно не думал о том, правильная ли это квартира. Быть может, там и вовсе никого нет! Может во всем этом доме никого нет!!! Кольцов соврал, пошутил проклятый Гаргарот! Все это шутка, *скольжение и бульканье ближе, ближе, и смрад, заползающий в легкие*, шутка и только! Испытание, верно? Ему полагается повернуться и встретить это... этого шутника лицом к лицу и все!

*Ближе, еще ближе.*

— Юрий Владимирович!!! — завизжал он. Голос отразился от стен и вернулся искаженным, как плохая граммофонная запись, — Юрий...

Дверь соседней квартиры распахнулась,

выпустив сноп желтого электрического света. На пороге в затрапезном домашнем халате стоял Кольцов. Из-за его плеча озадаченно выглядывала полная женщина средних лет.

— Я же сказал номер квартиры, Вадик, — сквозь зубы презрительно процедил Кольцов, — ты мне всех соседей разбудишь!

— Добрый вечер, — нелепо произнес Вадим. Он отошел от соседской двери и, не удержавшись, оглянулся за спину.

На полу лежало чье-то старое пальто. На нем уютно устроилась пегая тощая кошка — она смерила Вадима высокомерным взглядом и, задрав заднюю лапу, принялась лизать собственную промежность.

Складки пальто зашевелились, и на Вадима уставилась еще одна пара глаз, принадлежащая облезлому болезненному котенку.

— Дети подкинули, — беззаботно пояснил Кольцов, — мы подкармливаем по мере сил. По уму, надо бы выбросить на улицу, но жалко... Жалко.

Он посмотрел на Вадима с подозрением.

— Может, зайдешь, Вадик?

Вадим только кивнул, Кольцов посторонился, и он прошел мимо него в квартиру.

Дверь захлопнулась, погрузив коридор во мрак.



В темноте раздался тихий, протяжный стон. Пегая кошка зашипела ощерившись и ухватив котенка за шкурку, прижала его худое тельце к себе.

## 11

В тесном коридоре двоим было не развернуться. Кольцов, пропустив Вадима вперед, оказался прижатым дверью к стенной вешалке, на которой висели какие-то древние зимние куртки и набитые невесть чем кульки. Над головой низко нависали открытые антресоли и полки для головных уборов, угрожающе кренящиеся под весом огромного количества шапок, шляп и шарфов. Наклеенные в допотопные времена обои, когда-то изображавшие каменную кладку, прорвались во множестве мест, а под потолком так и вовсе отошли, обнажая болезненно — жёлтую, бугристую штукатурку. Рядом с вешалкой на стене висело простое прямоугольное зеркало без рамы. По верхнему краю стекла медленно текла муравьиная река.

Вадим остановился в замешательстве, переводя взгляд с Кольцова на полную женщину, одетую в бесформенное шерстяное платье с эмблемой на груди, отдаленно напоминающей лого «Адидас». Женщина улыбалась безжизненно и

как-то нервно, будто и не уверена была, пришел ли гость к добру али к худу.

— Ну вот, вот так, — суетился Кольцов, запирая многочисленные замки на прохудившейся дерматиновой двери. На месте глазка зияла дыра, сквозь которую тянуло прелым воздухом подъезда. Вадиму даже показалось, что дыра всасывает в себя задверный мрак. Странно, что он не заметил ее с другой стороны, он просто должен был увидеть свет...

— Вот так! — снова повторил Кольцов и внезапно встал на колени перед Вадимом с болезненной, неприятной гримасой. Прежде чем Вадим успел удивиться, старик открыл полочку, расположенную прямо под зеркалом, и не церемонясь вывалил на пол груду древних дырявых тапок.

— Тут можно выбрать... по размеру, — совершенно диким голосом сказал он и, встав наконец с колен, отряхнул пыль и какую-то шерсть с халата. Робея, Вадим кивнул и не расшнуровывая кроссовки, стянул их с ног.

— Вы как обуетесь-разуетсяь, проходите в гостиную! — подала голос полная женщина. Она тараторила одновременно с Кольцовым, перебивая его и натужно изображая голосом и лицом верх радушия и гостеприимства как плохая актриса.

— Да, Вадик, иди прямо за мной, — Кольцов

повернулся и прошаркал в комнату, находящуюся в противоположном конце коридора.

Миновав крошечную кухню и еще одну запертую дверь, должно быть, уборную, Вадим оказался на пороге гостиной. Женщина ужом проскользнула мимо, и он почувствовал запах ее... не духов, нет, но тела — острый, приторный запах пота. Словно уловив его мысли, она повернулась и улыбнулась совершенно безжизненной улыбкой.

— Это... Ада Степановна, — донёлся голос Кольцова из комнаты, — моя супруга и верный товарищ во всех начинаниях. Да проходи же, что ты стал столбом!

Вадим и вправду испытывал некоторое смятение. Отчасти, оттого, что ему было не по себе в этой странной, какой-то совсем нежилой, мертвой квартире. Отчасти, оттого, что он уловил заминку в речи Кольцова, когда тот представлял свою жену, так, словно старик не знал, как ее зовут. Да и откуда у него жена, спрашивается? Он никогда не упоминал...

— Проходите, вы мне мешаете! — снова тот же запах. Он посторонился, пропуская женщину, и она стремглав пронеслась в сторону уборной.

Он решил больше ни о чем не думать и вошел в гостиную — небольшую комнату, по центру которой располагался круглый стол, должно быть, приготовленный для чаепития. На столе, накрытом

кружевной не очень чистой скатертью, стояло несколько чашек на блюдцах. В центре торчал дымящийся самовар (Вадим с трудом удержался от нервного смеха), подле него на большой круглой тарелке лежала горка фигурных печений.

В дальнем конце комнаты, у окна, находился старый продавленный диван. Прямо возле него кособоко притулился двустворчатый некогда полированный шкаф — из полуоткрытых дверей высывался рукав желтой рубашки и еще какой-то не то хвост, не то галстук.

Позади стола у стены был сервант, в глубине которого угадывался набор хрустальных стаканов и какие-то безделушки. На серванте в совершеннейшем беспорядке пылились старые вазы (одна из них с заметной трещиной), какие-то фарфоровые куклы с одинаковыми глупыми рожами и прочий хлам.

Противоположная стена была совершенно пуста, не считая больших прямоугольных часов, остановившихся и пыльных. Гирия под ними почти касалась пола; цепь была вся в паутине.

В углу комнаты расположена была еще одна дверь, должно быть, ведущая в спальню.

— Ну что стоишь, садись, — буркнул Кольцов. В голосе его не было и следа былой суетливости.

Вадим сел, помешкав.

— Вы мне... не рассказывали про жену... — произнес он наконец.

Кольцов протянул руку и, наполнив одну из чашек, подал ее Вадиму.

— Курильский чай, — уходя от ответа, сказал он с едва скрываемым необъяснимым бахвальством в голосе, — его следует готовить правильно. Тогда и только тогда он приобретает нежный и совершенно неповторимый вкус. Попробуй.

Вадим отхлебнул дымящийся напиток и нашел его совершенно безвкусным. Он вежливо улыбнулся Кольцову.

Тот не ответил на улыбку, сосредоточенно прихлебывая из чашки.

За спиной Вадима раздалось булькающее рычание, и он подскочил, не сразу осознав, что звук доносится из уборной.

Через несколько секунд на пороге появилась женщина, как там ее, Ада... Он нахмурился. Имя казалось неприятным и каким-то... тревожным. Как и все, впрочем, в этой квартире.

«Чертов старик» — в очередной раз подумал он устало.

— Ну что, мальчишки! — с идиотским воодушевлением заявила женщина, — чаевничаем?! Я вам до поры мешать не буду, — она понизила голос до заговорщического шепота, — мне там... присмотреть надо. Кивнув в сторону

спальни, она карикатурным гусиным шагом подбежала к двери и скрылась за нею.

Кольцов отложил свою чашку в сторону и через стол тяжело уставился на Вадима.

— Итак... — помолчав, сказал он, — есть два вида добродетели. И не смотри на меня этими козьими глазами. Слушай и запоминай.

Первая основана на личной выгоде и прославляется всяким, исповедующим разумный эгоизм. В частности и Антоном Ла Веем, искренне считающим, что если каждый член общества будет преследовать исключительно собственную выгоду и не мешать при этом другим — мир достигнет благоденствия. Разумеется, он прикрывается иными мотивами и высокими фразами, но суть остается неизменной.

Этот принцип, несмотря на свою логичность — в корне неверен, поскольку следующие ему неверно истолковывают саму суть вещей.

За дверью в спальне раздался негромкий звук, словно упало что-то мягкое. Кольцов невозмутимо отхлебнул чаю и продолжил лекторским тоном:

— Существует и иная, высшая добродетель. Она, и только она является верной, поскольку лежащий в ее основе принцип гласит: Человек — есть насекомое, и жизнь индивидуума не имеет смысла, если она не направлена на благо целого рода. Более того, будучи венцом природы, человек

неразрывно связан с другими видами и обречён на взаимодействие. Механическая же цивилизация, построенная на использовании сил природы, обречена... Соответственно...

За дверью послышалось негромкое хныканье, и Вадим вопросительно посмотрел на Кольцова, но тот продолжил:

— Соответственно, верующий в принцип великого общего блага да обретет жизнь вечную, тогда как каждый, пекущийся о себе, падет. Разумеется, это не совсем совпадает с твоим представлением о сатанизме в целом, но кто сказал, что твои мысли и выводы, почерпнутые из книг Ла Вей, верны? Ла Вей — хм-м... популяризатор от науки, скажем так. Более того, он намеренно искажил некоторые вещи, о которых не имел ни малейшего понимания. В частности, его объяснение и попытки использования енохианской магии настолько же смешны, насколько и потенциально опасны для каждого, кто решится следовать его инструкциям.

Что подводит нас к цели твоего визита, не так ли? — Кольцов улыбнулся, отложил чашку и, порывшись в кармане, достал маленький черный футляр. Открыл его так, чтобы Вадиму было видно, и положил на стол перед собой.

На бархатной подушечке, размером не более ногтя мизинца, лежал рубинового цвета камень,

напоминающий зерно граната.

— Учитель?... Юрий Владимирович?...

— Тссс... Итак, Джон Ди. Многие исследователи придают огромное значение второму участнику этого магического дуэта, а именно — Эдварду Келли<sup>10</sup>. Считается, что Джон Ди на протяжении многих лет безуспешно пытался связаться с ангелами, но только благодаря спиритическим талантам Эдварда Келли у него получилось. Впрочем, я придерживаюсь иной точки зрения. Эдвард Келли был фальшивомонетчиком и плутом — профессия столь же распространенная, сколь и скучная как тогда, в средние века, так и сейчас. Он прожил недолгую жизнь и умер в заточении. Не будь его, Ди и сам бы добился успеха. Так вот... Джон Ди. Философ, математик, астроном... Ты знаешь, например, что он изначально искренне верил, что вся вселенная есть акт исчисления? Магия чисел во всем. В каждом цветке. В каждой капле человеческой крови.

С ним считались, о, да. Представь себе, этот чудак, повинувшись ангельским голосам, добивался аудиенции у императора Рудольфа II в Праге году эдак в... — Кольцов зажмурился как кот, — ...

---

<sup>10</sup> Эдвард Келли (англ. Edward Kelley или Kelly; 1 августа 1555, Вустер, Англия — 1597, Чехия) — английский медиум, мистик и алхимик.



1584-ом... Да, хотел прочитать ему лекцию о морали. Император вполне мог казнить его за такую наглость, но вместо этого согласился на аудиенцию и благосклонно выслушал всю эту... лекцию, словом.

На долю его выпали и страдания, чего греха таить. В частности, его арестовывали за «вычисления»! Да, да, в те времена занятия математикой считались чем-то сродни колдовству. Обвиняли и в государственной измене, но и тогда ему удалось выкрутиться. А уж после смерти Марии Тюдор его взяла под свое крыло Елизавета Английская! Да что там, Ди сам назначил дату коронации Елизаветы на основании гороскопа собственного изготовления.

Да... Он был фигурой, несомненно фигурой невероятного масштаба. Впрочем, с годами, страсть к темным искусствам, ошибочно принимаемая им за диалоги с ангелами, все больше довлела над его научными изысканиями. В последние годы жизни Ди не везло. Он с трудом получил должность ректора Колледжа Христа в Манчестере, но и там коллеги сторонились его — к тому времени за ним прочно закрепилась репутация злого колдуна. А потом... потом была чума, наш герой потерял семью, перебрался в Лондон, где и умер в нищете.

Кольцов замолчал, сонно посмотрел на камешек перед собой и неожиданно дотронулся до

него пальцем. Вадим едва сдержал крик — камень ответил слабой световой пульсацией, озарившись темно-алым, практически сливаясь с бархатной подушкой.

— Келли... Келли был забавный малый. Как-то он объявил Ди, что ангелы велели делиться всем, всем без исключения, включая жен. Некоторые исследователи считают, и не без основания, что Ди последовал ангельским указаниям, несмотря на то, что души не чаял в своей жене.

Келли смог убедить Ди в том, что он и только он способен слышать ангельские голоса. Спустя год своей службы у Ди он принес хозяину Книгу Данстана и некоторое количество какого-то порошка, способного, по словам Келли, превращать свинец в золото. Разумеется, все это было полной чушью.

Истинная магия заключалась исключительно в способности Келли улавливать некие... эманации с той стороны, из миров, столь же могущественных, сколь и далёких. Джон Ди считал, что Келли практикует общение с ангелами. Но не ангелы тогда откликнулись на его зов. Не ангелы пришли в ответ на усердные молитвы.

О, нет...

Ты ведь читал про «Енохианские ключи», верно? Скорее всего, в интерпретации этого

профанатора Ла Вея. Ну и, как следствие, не понял ни хера, — Кольцов ядовито ухмыльнулся в ответ на изумленный взгляд Вадима (тот никогда не слышал, чтобы старик сквернословил). Словно в ответ на бранное слово из соседней комнаты раздалось жалобное тихое хныканье.

— Принято думать, что ангелы, откликнувшиеся на магические изыскания Ди и Келли... Снова этот Келли... Так вот... считается, что ангелы следовали заветам патриарха Еноха<sup>11</sup> и исповедовали учение, которое должно было быть распространено среди всего населения земного шара. Все без исключения жители Земли должны были быть посвящены в заветы Еноха, понимаешь? Ангелы вели беседы на особом, ангельском языке. Диспуты с ангелами легли в основы «Енохианских ключей», или енохианской магии.

С этим языком лингвистам пришлось поломать головы. Видишь ли, многие полагали, что Келли придумал ангельское наречие на основании английской грамматики. Но это не так, совершенно не так. Во-первых, Келли не обладал достаточными знаниями, для того чтобы провернуть такого масштаба мошенничество. Во-вторых, переводы

---

<sup>11</sup> Енох, Энох(ивр. עֲנוֹךְ (Ханох)) — потомок Сифа, сын Иаредая отец Мафусаила, седьмой патриарх начиная от Адама.

Келли выдержаны в ином духе нежели его труды.

Кое-кто считает, что Ди был соучастником в этом лингвистическом розыгрыше титанического масштаба. К слову, небезызвестная рукопись Войнича<sup>12</sup>, не расшифрованная до сих пор, тоже приписывается Джону Ди. В таком случае его способности к созданию языков были бы неоспоримы. Вот только...

...Учение, что принесли ангелы... Было совсем не ангельским, как ты возможно уже догадался.

Есть и еще кое-что, чего не замечал или не хотел замечать Ди.

Енохианские ключи несли не мир, но меч.

Все дуально, мой дорогой ученик, как и моя преамбула о двух благодетелях... — он прервался, шумно отхлебнул чаю и указал пальцем на камень перед собой, не касаясь его.

— Telocvovim...

Вадим вдруг понял, что ему совершенно неинтересно знать, к чему клонит старик, равно как неинтересен был шум, все чаще раздающийся из-за двери. Ему хотелось встать и уйти. Одновременно с

---

<sup>12</sup> Рукопись Войнича, или Манускрипт Войнича (англ. Voynich Manuscript), — иллюстрированный кодекс, написанный в XV веке неизвестным автором на неизвестном языке с использованием неизвестного алфавита.

этим другая часть его, та, что управляла телом, когда он просил огня у двух громил в парке, требовала, чтобы он оставался на месте.

Кольцов ослабился.

Внешней или видимой целью ангелов было, как я уже сказал, — распространение учения Еноха. Однако их внутренние мотивы были куда более важны. Енохианские ключи предназначались для того, чтобы запустить череду разрушительных процессов, описанных, в частности, в Откровении Иоанна Богослова. Понимаешь, о чем я говорю, да? — он неприятно хихикнул и тотчас же скривился в уродливой гномьей гримасе. Впервые за время их знакомства Вадиму открылось другое лицо старика — лицо злого, испорченного ребенка, готовящего очередную каверзу.

Кольцов закрыл глаза и нараспев, без запинки, произнес:

*— Разумные твари земные, люди, да притесняют и истребляют друг друга; и жилища их да забудут имена их. Труды человека и великолепие его да будут изглажены. Строения его да обратятся в пещеры для зверей полевых <sup>13</sup>!*

В комнате стало как-то быстро темнеть. Вадим взглянул на трехламповую люстру под потолком — две лампочки тускло светились, третья

---

<sup>13</sup> 19-й Енохианский ключ.

же и вовсе не горела.

— Ничего... — пробормотал Кольцов, словно и не к нему обращаясь, — страшно лишь поначалу, а потом все проходит. Истина любой магии — в добровольном подчинении ее канонам. Вот ты, скажем, сам ведь сюда пришел? Не неволил я тебя?

«Сам, не сам... встань и уходи отсюда прочь... Здесь черт-те что происходит!» — Вадим поднес чашку с остывшим чаем ко рту и сделал большой глоток — в горле совсем пересохло.

— Сам, — едва шевеля губами, почти беззвучно выдохнул он.

— Ну вот и славно. А коль сам, то продолжим.

— История говорит нам о том, что Джон Ди скончался в нищете в Лондоне, потеряв свою семью во время Великой чумы. И это правда. Впрочем, детали его кончины нас не интересуют. К старости он... как бы поточнее выразиться, начал испытывать некую неприязнь к собственному делу. К делу всей жизни. Или... был ли это страх?

Ну конечно же, страх.

— Вот это... — внезапно он снова указал на камень, — забавная штука, верно? Выглядит как... на что оно похоже, Вадим?

— На... на камень?

— Ну, может и на камень. Черт его знает.

Понимаешь, черт его знает! — Кольцов расхохотался. — На самом деле, это вовсе не камень. И не зерно и... ну, словом, это куколка. Вот что это такое.

Вадим с недоумением уставился на Кольцова. Тот рассмеялся нехорошо, довольный собственной шуткой.

— Тебе знакома история замка Глэмис<sup>14</sup>? — он перескакивал с темы на тему с ловкостью фокусника, — ну, того самого, в котором происходят события «Макбета» Шекспира. Говорят, именно в этом замке был умерщвлен король Малькольм, году в 1034-ом, кажется, от Рождества Христова. Мол, кровавое пятно до сих пор никто не может вывести. Прямо как у Уайльда. Этот замок тулят во всех путеводителях, каждому заносчивому туристу, что приезжает на острова, в качестве чуть ли не главного аттракциона с привидениями в Шотландии. Тут целый паноптикум: Безголовые мальчики с барабанами, собаки, мужики в латах, серые леди... Все, что душе угодно. Согласно легенде, один из владельцев замка, Лорд Стратмор, будучи завзятым игроком, предложил Дьяволу партию в карты. Каково же было его удивление, когда Сатана принял его предложение! Согласно легенде, игра продолжается

---

<sup>14</sup> Легендарный замок в Шотландии.

до сих пор в потаенной замурованной комнате, в которую невозможно попасть.

Премиленькая легенда, иллюстрирующая всю глубину человеческой глупости.

Кольцов помолчал, потянулся было за печеньем, передумал и вместо этого одним глотком допил чай.

— В средние века кто только ни баловался чернокнижием, — продолжил наконец он, — как правило, впустую. Впрочем, некоторые, по случайности ли или по допущению Великих Внешних сил, добивались успеха...

Нашего героя звали Александр Линдси. Четвертый граф Кроуфордский. Его страсть к карточной игре едва уступала другой, куда более темной страсти.

Мало кому известна вся правда, но по информации, отображенной Джоном Ди в его «Черной книге»... — он снова прервался и, не без удовольствия отметив непрекращающееся замешательство Вадима, продолжил, — ... Граф Линдси, вместе с пятью своими приятелями, пытался вызвать Рогатого Хозяина, используя заклинания, поразительно похожие на те, что позже явились Эдварду Келли в его диалогах с созданиями, которых он величал ангелами. На том же языке. Сложно сказать — явился ли Хозяин Бездны на его зов или нет... В одном легенда



правдива — комната, в которой происходили события, в некотором роде сместилась... Окно действительно можно увидеть снаружи, и то лишь иногда, с определенного ракурса. Однако попасть внутрь Запретной комнаты, увы, невозможно. И вовсе не потому, что слуги опечатали ее... Видишь ли... Ревнителю Запретного Искусства тех времен считали, что на месте Потерянной комнаты находился портал, ведущий напрямиком в ад.

Кольцов поднял пустую чашку, посмотрел на нее с недоумением и внезапно швырнул с силой о стену. Чашка со звоном разлетелась на мелкие осколки.

Дверь в спальню открылась, и на пороге показалась улыбающаяся жена старика.

— У нас все готово... — проворковала она, но Кольцов прервал ее нетерпеливым жестом.

— Позже, — рявкнул он, — мы беседуем.

Женщина кивнула и скрылась за дверью.

— Как я уже упоминал, — продолжил Кольцов как ни в чем не бывало, — последние годы своей жизни Джон Ди провел в Лондоне. Однако мало кто знает, что в году 1608-м от Рождества Христова он предпринял путешествие в Шотландию, именно в замок Глэмис, где провел более четырех месяцев в поисках Запретной комнаты.

Стоит ли говорить, мой милый мальчик, — с

каким-то презрением прошипел Кольцов, — что он нашел искомое...

— Что? — туповато перепросил Вадим. Изнутри он весь горел, — что нашел?

— Затерянную комнату, идиот! Вещь, которой нет! Путь... — Кольцов снова отвлекся и уставился на дверь спальни с совершеннейшей ненавистью в глазах.

— Эти... — он ткнул пальцем в сторону спальни, — эти суки... бабы... Они ведь яйца выеденного не стоят. Вот скажи мне, милый друг, отчего мы, мужики, так чахнем по ним, по их... — он скривился, — гнилым вонючим дыркам, по этим дойкам коровьим висячим... по жопам жирным? Отчего? В чем привлекательность вечно текущей щели между ног? Молчишь? Сам не знаешь, да? А я тебе отвечу — это не любовь в нас говорит, не высокие чувства, воспетые Шекспиром, но обыкновенный инстинкт. Большая часть войн, несчастий и бед на планете случается по вине животных инстинктов и только. Но человек — животное разумное и исключительно силой разума может побороть свое безрассудство. Высшее благо! Все ради Высшего Общего Блага!

Ладно, не суть... Джон Ди... Джон Ди нашел Затерянную комнату. Более того, он провел там три дня. Не смотри на меня так, будто я с ума сошел. Здесь — соль всей истории. Он был там, где

заканчивается сцена и начинается реальный мир. За кулисами. Он видел... о, Боги Тьмы, он видел Хаос воплощенный. И... он встретил кое-кого в той комнате. Встретил существо, что Эдвард Келли почитал за ангела, но ошибочно, ошибочно!

Для Джона Ди три дня во Внешних Сферах пролетели как один час. И по истечении этого времени ему посчастливилось побеседовать с истинным носителем енохианской магии. Он смог добиться того, чего не добился никто из медиумов до него — непосредственного диалога с жителем Бездны. С Великим пожирателем трупов. О, Сабнак, ты, воющий на погостах! Ты, чьи глаза плачут трупным гноем!!! О...

Кольцов прервался и уставился на Вадима так, словно увидел его впервые.

— Да... — спустя некоторое время продолжил он, — *Telocvovim*... Слово на енохианском языке, что переводится как «Тот, кто упал»... Однако, на самом деле, это составное слово... *teloc* означает смерть и *vovim* — дракон. Дракон смерти... Низвергнутый...

В тот день Джон Ди получил невероятные знания, выраженные в простых, понятных ему заклинаниях, сродни столь милым сердцу его математическим формулам. Заклинания, способные навсегда изменить мир людей, позволив Тем, Кто Упал, вернуться на Землю, изгнавшую их.

Заклинания, служащие во имя Великого Вселенского Блага.

Он записал по памяти все, о чем поведал ему его собеседник. Записи эти и являются «Черной книгой» Джона Ди, рукописью, существующей лишь в трех экземплярах, насколько мне известно.

Здесь заканчиваются игры и эксцентрика. Ты готов идти дальше, ученик?

Голова Вадима гудела. Он чувствовал, что стул под ним вибрирует, словно в такт какому-то огромному мотору, расположенному на первом этаже.

— Я... я последую за вами, Учитель! — пробормотал он и тотчас же пожалел о сказанном. Фраза, в которую он постарался вложить все свое желание услужить Кольцову, всю свою страсть к Темным наукам, прозвучала пафосно и одновременно фальшиво.

Кольцов смерил его долгим взглядом и указал на камешек, что лежал перед ним.

— Хорошо... — тихо прошелестел он, — тогда прими этот Черный дар по собственной воле.

Вадим непонимающе посмотрел на старика.

— Возьми это, — с раздражением продолжил Кольцов, — и проглоти. Таково условие. Таков ритуал. В свое время я и сам был рукоположен... — он хихикнул, — и вкусил Зерно Мудрости Темного. Теперь пришел твой черед. Ты избранный! Ты

будешь следовать за мной во мраке!

Вадим дрожащими пальцами потянулся к камешку. Стоило ему прикоснуться к холодной и отчего-то скользкой поверхности, как камень заиграл оттенками алого цвета, словно подсвеченный изнутри. Подушечки пальцев мгновенно занемели.

Он медленно поднес камешек ко рту. Некая часть его все еще сопротивлялась, но все более слабо. Происходящее казалось ему и бредовым и потрясающим одновременно.

— Это... наркотик? — пробормотал он.

— Это символ и только. Но знай... После этого пути назад не будет. Что бы ни произошло, ты должен будешь слушаться меня и следовать за мною повсюду.

— Да... Учитель.

Он положил камень на язык, не ощутив ровным счетом ничего, и проглотил его.

Посидел немного, ожидая... чего угодно.

Ничего не произошло.

Он открыл глаза и встретился взглядом с Кольцовым. Тот сидел совершенно прямо, положив руки на стол. Увидев, что Вадим смотрит на него, Кольцов улыбнулся, но как-то небрежно, как утомившийся актер после трудной сцены, и откинулся на стуле.

— Ну вот, — прервал он затянувшуюся

паузу, — и все. А ты боялась.

И подмигнул.

— Эй, мать! — крикнул он в сторону спальни, — мы готовы! Можно заходить?

— Идите! Смотрите не споткнитесь, тут темновато, — раздалось из-за двери.

— Так, — Кольцов сурово посмотрел на Вадима, — пошли со мной. И ничего там не трогай. Делай, что говорят, и все будет пучком. Ну, готов, или печеньки поедим еще?

Вадим только кивнул. Он не совсем понимал, что происходит и что ждет его в соседней комнате. Более того, ему не нравилась странная перемена, происшедшая в поведении Кольцова.

— «Вперед, Макдуф! — издевательски простер указующий перст старик. — И ад последует за нами!»

## 12

Маленькая душная комната освещена пламенем нескольких чадящих свечей. Прямо у двери стоит гладильная доска, на которой горой навалено ветхое тряпье. Напротив двери — зашгоренное окно. Шторы провисли и прогнили — сквозь щели и дыры в комнату льется желтоватый болезненный свет луны. Под окном у радиатора лежит старое пальто — Вадим понимает, что это не

может быть то же пальто, что в подъезде, но оно выглядит идентично. И в самом деле, в складках ткани что-то слабо шевелится — должно быть, кошка, он не видит, не хочет видеть, не хочет смотреть.

У дальней стены на продавленном диване пластом лежит человеческое тело.

Он с трудом сдерживает растущий изнутри крик; с силой кусает себя за язык. Труп! Здесь мертвец!

Человек, лежащий на диване, испускает едва слышный стон. Складки пальто вторят ему уже знакомым хныканьем. Вадим пытается разглядеть, и ему кажется, что он видит часть кошки, но разве кошки издают такие звуки? Разве кошки способны... плакать как дети?

— Ну-ну, мой маленький, ну-ну, мой холесенький! — сюсюкает жена Кольцова, склонившись над пальто.

Кольцов фамильярно толкает Вадима в спину.  
— Ну что ты стал! Проходи давай!

Вадим делает несколько шагов вперед и оказывается посреди комнаты. Отсюда ему хорошо виден диван, на котором, как он теперь понимает, лежит молодая женщина. Она спит.

Со своего места он видит еще кое-то и понимает, что...

*...все, что говорил Череп, этот ублюдок*

*Череп... все это правда, правда, правда!!!*

Он и сам не осознает, что пытается отойти назад, но Кольцов не пускает его, давит в спину.

— Куда? — шипит старик прямо в ухо. От него несет тухлым мясом. — Сам пришел, сам!

Вадим давится криком и («я не хочу на это смотреть!!!»), вытаращив глаза на крошечного, не более шести месяцев от роду, ребенка, слабо барахтающегося в складках пальто. Словно почувствовав на себе его взгляд, малыш хнычет и тянет ручки.

— Нью-нью-нью! — воркует женщина, — тю-тю-тю!

На гладильной доске, ближе к краю, полускрытый, лежит обычный мясницкий нож с деревянной ручкой.

— Ада... Романовна! — командует Кольцов, и Вадим чувствует, как его голос режет ухо, режет как тот самый нож... «Разве она... Романовна? Он только помнит, что Ада, это ужасное, омерзительное имя, но разве — Романовна? Как же ее?», — вертится в памяти...

Ребенок снова хнычет.

— Вот подлец, — беззлобно говорит Кольцов, — неумный. Ну, Вадичек, все хорошо рассмотрел?

Он хочет ответить, что да, он все хорошо рассмотрел и он... он не будет... участвовать в...



этом ужасе, он не готов, и ему плевать на все Темные науки мира, на всех Джонов Ди и Эдвардов, сука, Келли, потому что — это же ребенок, ребенок, мать его, но тут он замечает еще кое-то. Небрежно лежащее прямо на грязном полу, около радиатора.

Это книга.

Скорее, брошюра, дневник в черном кожаном переплете. На черном фоне вяло горит полустертая золотая вязь. Он старается рассмотреть получше. Забыв о ребенке, о ноже...

— *То, о чем ты мечтал...* — шепчет Кольцов, обдавая его смрадом гниющей плоти, — *Черная книга Дьявола...*

— *Хочешь ее? Хочешь?*

Он хочет ее. Он хочет ее настолько сильно, что чувствует, как член его упирается в разом ставшие тесными джинсы. Хочет...

И снова детский плач.

— Ада... Серафимовна! — шепчет Кольцов, — угомони же ты его!

— Сам угомони, — бросает в ответ женщина. В пламени свечей ее лицо напоминает свиное рыло.

Кольцов проходит мимо Вадима, наклоняется и поднимает книгу с пола. Отряхивает ее от налипшей пыли и открывает.

— Сейчас... — монотонным голосом говорит он, — я вам почитаю.

— А... потом?.. — Вадим не хочет слышать ответ, он понимает, что вопрос риторический. Вот только, что это за женщина там на диване? Какова ее роль?

— А потом все вопросы отпадут, — Кольцов улыбается — свечи искажают улыбку, превращая ее в оскал.

Он подходит поближе к одной из свечей, установленной прямо на гладильную доску, оказавшись между Вадимом и ребенком, щурится и начинает читать, растягивая слова:

— *BAZM — ELO I TA PIRIPSON OLN  
NAZAVABH OX CASARMG VRAN CHIS VEGEG DS  
ABRAMIG BALTONA GOHO IAD SOBA MIAM  
TRIAN TA LOLCIS ABAIVONIN.*

Вадим чувствует, как густеет воздух в комнате; видит, как еле тлеют свечи, вяло оплывая алеющими в пламени восковыми слезами; слышит, как захлёбывается плачем младенец и стонет женщина, лежащая пластом на дальнем диване. Весь мир внезапно опрокидывается в комнату, которая стремительно съедивается, становится совсем маленькой и душной, невыносимо душной. Он открывает рот, чтобы заглотнуть побольше воздуха, как рыба, выброшенная на берег и обреченная на медленную ужасную смерть, но воздух становится совсем твердым — как сыр. Его можно резать на куски, его можно есть — но им

нельзя дышать. Перед глазами, подобно крошечным балеринам, пляшут разноцветные точки, и он уже не может доверять своим глазам, но ему кажется, что пальто, в которое закутан младенец, живое, оно тянется щупальцами-рукавами, оплетая свою жертву и, одновременно, словно приподнимая крошечное тельце над полом, предлагая его для последнего ужасного ритуала.

— *ODAZIAGIERRIORIRGILCHISDADSPAAX  
BVSDCAOSGODSCHISODIPVRANTELOCHCACRG  
OISALMANLONCHOODVOVINA*, — продолжает читать Кольцов. Голос его становится неузнаваемым, превращаясь в какой-то атональный вой — он то замедляется, то говорит быстро; то басит, то почти визжит.

Его жена Ада («*Боже, какое ужасное имя — Ада, и почему я не послушался Виталика, сидел бы дома, дома, мамочка, дома...*»)

раскачивается на месте и гладит себя в паху так грубо, неистово, как будто хочет выдрать свою промежность и положить ее на эту чертову гладильную доску, прямо на ворох тряпья, только теперь и тряпье это словно живое вспухает и опадает, вспухает и опадает — как дрожжевое тесто.

— *CARBAF NIISO BAGLE AVAVAGA GOHON  
NIISO BAGLE MOMAO SIAION OD MABZA IAD O I  
AS MOMAR POILP NIIS ZAMRAN CIAOFI CAOSGO*

*OD BLIORS OD CORSI TA A BRAMIG* 15 !!! —  
Последнее слово звучит как «берамижи», оно тянется, тянется и вместе с этим долгим звуком к Вадиму приходит пугающее осознание того, что он все неверно понял, его обманули, вравили в какую-то губительную авантюру и теперь пути обратно нет, в этом Кольцов прав, прав! Он смотрит на пол и видит, что да, он не ошибся — пальто действительно протягивает младенца Кольцову, как покорный пес приносит палку хозяину. И вот Кольцов небрежно, как за палкой, тянется и ухватывает рукой хрупкий живой груз, не боясь нисколько, что он может уронить ребенка, да и чего ему бояться, ведь он собирается... «Нет!!! Не он! Не он собирается, а ты, чертов идиот! Тебе вручат в руки нож и заставят сделать то, от чего ты вовек не

---

15 «Полдень, первый, подобен третьему Небу; в нем 26 Столпов из Гиацинта; в нем входят в силу Старейшины; я приготовил его для Праведности моей; — молвит Господь, — постоянство его пребудет как щит против Дракона Изгибающегося и как урожай Вдовы. Сколько же тех, кто пребудет во Славе Земли, кто жив и не узрит Смерти, пока не падет сей Дом и Дракон не погрузится в воды?» Выйдите! ибо Громы (приумноженья) изрекли свое слово. Выйдите! ибо Венцы Храма и Ризы Того, кто есть, был и будет увенчан, разделились! Выйдите! Появитесь! на ужас Земле и в утешенье нам и тем, кто готов. (8- й Енохианский ключ)

отмоешься, вот только уже поздно, слишком поздно! Ты сделаешь то, что тебе скажут, и будешь проклят, на сей раз — по-настоящему!»

Кольцов кладет ребенка на гладильную доску, и Вадим видит, что глаза младенца закрыты. Он вроде спит, а вроде и не спит одновременно, продолжая вяло, по-котеночьи хныкать. Его рот то открывается — каждый раз все шире и шире, словно в попытке проглотить весь ужас, окружающий его, — то снова закрывается. Открывается и снова закрывается. Открывается...

— Иди... ко мне... — шепчет кто-то, и Вадим, не задумываясь, делает шаг вперед, оказавшись прямо перед Кольцовым. Куда-то пропала Ада, теперь весь мир сфокусировался вокруг него, старика и младенца на гладильной доске, лежащего так близко к ножу, что его нежная ножка, его крошечная ножка почти касается острого, желтеющего в пламени свечей лезвия.

— Возьми клинок... — говорит Кольцов совсем обычным голосом. Таким голосом предлагают отведать чаю или сходить в кино.

«Нет... Нет!» — Но в мире не существует ничего, кроме глаз старика, — матово-черных, состоящих из одного бесконечно глубокого зрачка, и в этих глазах приказ, послушаться которого он не может.

Он берет нож — рукоятка неприятно теплая,

как гниющее на жаре мясо, и держит его неловко в левой руке — лезвие направлено скорее на Кольцова, чем на младенца. И он думает, что нужно ударить старика, сделать это быстро, пока инстинкт самосохранения не опередил его решения, но это всего лишь мысль, которой не суждено реализоваться. Не дожидаясь следующего приказа, он медленно поднимает нож так, что острый блестящий кончик лезвия находится прямо над голой грудью ребенка.

Кольцов все еще держит в левой руке книгу — она так близко, что Вадим может разглядеть каждую трещинку на кожаном переплете, может почувствовать особый острый запах, исходящий от страниц, исчерченных вязью, но теперь он не читает с листа. Он смотрит куда-то, не на ребенка и не на Вадима, а куда-то сквозь него и улыбается кому-то, кто находится за его спиной.

— ZIR... — он делает паузу, — ... ZIR АММА... — теперь он более не напевает, нет, его голос стал сухим как воронье карканье. Слова выходят трудно и вязко; Кольцов давится, его лицо искажается судорогой. Он медленно вытягивает вперед указательный палец правой руки и легко касается им точки чуть ниже пупка Вадима.

— GEN AFFA... — тихо и с натугой произносит он.

Вадим хочет сделать шаг, но вместо этого

оступается, и мир вокруг него плывет. Все сразу — и ноги, и тело, и сам воздух — становятся ватными и неосязаемыми. Он пытается удержаться на ногах, но слишком поздно понимает, что их у него нет. Теряя сознание, он медленно, невероятно медленно падает на спину и, с треском ударившись затылком об пол, проваливается сквозь него и летит в бездонную яму, наполненную звуками и болью.

### 13

Еще до того как Вадим открыл глаза, он понял, что его обманули, ловко обвели вокруг пальца, и почему-то знал наверняка, был уверен на сто процентов, что обман этот будет последним в его жизни. Мысль, родившись в сполохах разрывающей боли, отчего-то успокоила его. Он глубоко вдохнул, и боль в затылке мгновенно превратилась в сверхновую. Постепенно, откуда-то из глубочайшей бездны, в которой он оказался, стали приходить звуки. Сначала они казались ему совершеннейшей тарабарщиной, но через некоторое время, возможно, спустя целую вечность, он начал понимать, что слышит человеческий голос. Он прислушался, стараясь не шевелиться — каждое движение вызывало новую вспышку свирепой боли. Он лежал на спине, упершись затылком во что-то твердое, но собственный затылок твердым ему

более не казался. Словно на месте кости образовалось мокрое желе. Что-то случилось и с сердцем — оно то заходило в бешеном ритме, то вдруг останавливалось, замирало в груди.

— ... должен пр... сам... ст... т... но, — вещал голос.

Со стоном Вадим разлепил глаза и увидел чудовище столь омерзительное, что изо всех сил завизжал, удивляясь слабости собственного голоса — это был скорее писк, чем визг. Так пищит мышь, попавшая в мышеловку.

Он зажмурился и снова распахнул глаза, не обращая внимания на всполохи ужасной боли. Теперь монстр, склонившийся над ним, более не казался ему таким страшным. Вадим напрягся — он почти услышал, как со скрежетом работает маховик разума в голове, и понял, что смотрит на человеческое лицо. ПЕРЕВЕРНУТОЕ ВВЕРХ ТОРМАШКАМИ. Человек, а это был Кольцов, склонился над ним, стоя за его спиной. Или за его макушкой — ведь он, судя по всему, лежал на полу, рядом с омерзительно пахнущим пальто, на котором еще недавно лежал младенец... Младенец!!! О, Боги Тьмы и Хаоса, младенец! Он не удержался и снова запищал.

Кольцов не обращал на него внимания.

— Должен прийти добровольно, — повторил он, и Вадим понял, что старик говорит не с ним, а



просто болтает, возможно, с женой, а может и сам с собой.

— Должен согласиться идти до конца... — задумчиво продолжил Кольцов и теперь, наконец заметив, что Вадим приоткрыл глаза, с интересом посмотрел на него.

— Тут ведь вот какая штука, — произнес он задумчиво, обращаясь на сей раз к Вадиму: — каждый садовод знает, что растение, любое растение, если это, разумеется, не борщевик, требует тщательного ухода. Вырастить же растение из зерна — задача невероятно сложная, порой, недостижимая. Ведь любой цветок обладает своими сильными и слабыми сторонами, и это следует учитывать как при посадке, так и в дальнейшем. В противном случае зерно может не прорасти.

— Зачем... — Вадим умудрился разлепить спекшиеся губы и теперь шипел, с силой выдыхая воздух, — зачееем... вы мне это рассказываете?

— Ну... мне кажется, ты заслужил. Оставить тебя один на один с Тьмой было бы жестоко, верно?

Так вот, в магии все очень похоже на садоводство. Ритуал может считаться успешным только в том случае, если соблюдено огромное количество правил и не нарушен ни один из многочисленных запретов. Возьмем, например, тебя. Ты должен был прийти добровольно. По своей, по собственной воле. Ты должен был

согласиться идти до конца, принять нож, тем самым впустив в себя Зло, Тьму, что является плодородной почвой для... — он запнулся отвлекшись на плач ребенка.

— Ну что там? — выплюнул раздраженно в сторону женщины.

— Просыпается... — ответил женский голос. Вадим попытался повернуть голову, но затылок словно прилип к полу и каждое движение отдавалось вспышкой невероятной агонии. Он захрипел и остался недвижим.

— У нас мало времени, — ухмыльнулся Кольцов, — поэтому лежи тихо. Скоро все будет хорошо. Ты — избранный, понимаешь? Geh Affa! Ты — пустой, совершенно пустой по своей воле. И ты впустил в себя... Того-кто-упал...

— Что... вы мелете?

— Telocvovim... — шепотом восклицает Кольцов, торжественно склонившись к самому уху Вадима, — Дракон Смерти! Семя древних Богов! Ты сам принял этот дар, и теперь он пульсирует в твоей утробе.

— Какой... я не... вы... — мысли путались, и Вадим снова, инстинктивно попытался двигаться, но лишь заелозил по полу нелепо, как муха на булавке.

— Я... не хочу!

— Это совершенно не важно теперь, —

бросил Кольцов, — дело сделано. Ты должен гордиться — в тебе — Сила, что изменит мир! Весь мир, мальчик!

Вадим закашлялся и сплюнул черной слюной, попав себе на щеку. Пузырящаяся густая кровь вязко стекла на пол. Он чувствовал, что боль отступает, но вместе с тем и окружающий мир блекнет, стремительно теряет привычное многообразие красок. Он нашел в себе силы посмотреть прямо в глаза Кольцову и прошептал:

— Я ошибался... во всем... в вас... Вы убийца...

— Да по херу мне, — сказал Кольцов, — что ты думаешь.

— Я... ваша куколка не успеет вылупиться, — неожиданно для самого себя хихикнул Вадим, — я... умру раньше...

Кольцов изумленно уставился на него.

— И?

— Ум-ру... — как-то рассеянно повторил Вадим. Мир становился все более призрачным и ему было важно, невероятно важно доказать Кольцову, что он уходит очищенным, прежде чем он умрет.

— А, — лицо Кольцова расплылось в улыбке, — понимаю... Mea Culpa! Я просто не теми словами все объяснил. Попробую попроще.

Он наклонился к Вадиму, принялся

зачем-то и закричал резким, женским голосом:

— Ондохнет, точно! Говорил тебе, меньше надо было сыпать в чай, курва! Давай быстрее!

— А раньше сказать нельзя было? — раздался голос Ады, и вот еще и ее перевернутая голова появилась в поле зрения Вадима. Она была красной, растрепанные волосы свисали на потный лоб. В левой руке она крепко сжимала что-то блестящее в пламени свечей.

— Ну-ка, в сторону, — она резко отодвинула мужа и, крепко ухватив Вадима за волосы, небожно ткнула его кончиком ножа в шею.

Но все это было совершенно не важно, не важно! Вадим умоляюще посмотрел на Кольцова.

— Что... я не понял? — пробормотал он, давясь кровью.

— Ты — кусок гнилого мяса, — ответил старик совершенно ледяным тоном, — на котором мухи отложили личинки. Зерно может проснуться только в истекающем кровью послушнике Темного. Но не тебе предстоит выносить его и выпустить в мир. Не ты удостоишься чести быть родителем Того-кто-упал.

Он указал пальцем в сторону, туда, где все еще слабо хныкал ребенок.

Повернулся к Вадиму и, положив ладонь ему на живот, произнес:

— *DO-O-A-IP SABNAKI!*

Вадим открыл рот, чтобы сказать ему, что он не принимает ни эту веру, ни богов ее, но в этот момент лезвие ножа вдруг оказалось внутри — легко и безболезненно — и все потеряло смысл. Он почувствовал лишь, как из него что-то льется под напором, как из шланга, и, потеряв интерес и к Кольцову, и к ребёнку, и к древним богам, обратил свой взор к черной спирали, что закружилась перед глазами и поглощала весь его мир. Стараясь вдохнуть, он с вялым удивлением отметил, что дышать больше не умеет, и попытался даже поделиться этим удивительным фактом с Кольцовым, но лишь каркнул хрипло и умер.

## 14

Женщина с окровавленными руками склонилась над слабо шевелящимся, хныкающим ребенком.

Пожилой мужчина за ее спиной, присев над мертвой плотью, что еще мгновение тому была человеческим существом, настойчиво повторял одну и ту же фразу:

— DO-O-A-IP SABNAKI... — бормотал он, прижимая ладонь к животу мертвеца, — DO-O-A-IP MAD!

— Ну что? — возбужденно прошептала женщина.

— Я ничего не чувствую, — пробормотал он, — возможно... нет, не может быть, мы все сделали как надо!

Внезапно он замер как пес, почуявший запах хозяина.

— Вот! Да, есть! Оно движется!

Он медленно повел ладонь вверх по телу, будто лаская плоть.

— Сюда... иди сюда, — шептал он.

Его рука легко коснулась того места, где лезвие ножа раскроило шею Вадима, где рана раскрылась ужасным вторым ртом, в багровом зеве которого белели перерезанные хрящи.

— CARMA, SABNAKI! — он все еще шептал нежно, как мать, шепчущая слова утешения на ухо проснувшемуся от кошмара ребенку.

Рана под его рукой раскрылась еще больше — казалось, мертвец пытается улыбнуться новым, безобразным ртом. В глубине кровавого мяса пульсировало ровным, агатовым цветом.

Он погрузил пальцы в рану и почувствовал, как они сомкнулись на чем-то твердом и ледяном.

— CARMA, SABNAKI! — повторил он и потянул. Мерцающее зерно выскользнуло из раны и теперь светилось алым в его окровавленных пальцах.

— Быстрее, — прошипела женщина.

Он встал на ноги с болезненной гримасой,

подумав мельком о том, что все же нужно сходить к остеопату с этой проклятой болью в спине, и подошел к женщине. Протянул руку, не ту, в которой сжимал пульсирующее Зерно, и легко, нежно погладил мальчика по бархатистой коже.

— Он будет очень красивым, когда вырастет, — внезапно всхлипнула женщина.

— Он... — мужчина помедлил... — никогда не вырастет.

Его пальцы сомкнулись на скулах младенца. Ребенок невольно открыл беззубый крошечный рот и зашелся в истерическом плаче.

Мужчина поднес пальцы, сжимающие Зерно, ко рту младенца и раскрыл их, позволив крошечному багровому камешку упасть вниз.

Малыш закашлялся и, широко открыв глаза, несколько раз инстинктивно сглотнул.

И снова заплакал.

— Geh... Sabnaki, — прошептал мужчина и вцепился обеими руками в гладильную доску, чтобы не упасть. Он посмотрел на жену и отвернулся, опустив голову.

— Все... все прошло, — женщина схватила ребенка на руки и прижала к себе, — тс-с, мой маленький, спи, мой хорошенький!

По ее окровавленному лицу текли слезы, размывая засыхающую кровь.

— Дело сделано, — пробормотал мужчина, не

поднимая головы.

Она посмотрела на него с неожиданно сильным отвращением во взгляде.

— И что теперь? — едко спросила она, не забывая укачивать младенца. Тот уже не плакал, но всхлипывал все реже и реже, не открывая глаз.

— Ждать... — пробормотал мужчина, — теперь только ждать.

Он отвернулся к окну и, ухватившись за штору, принялся оттирать руки.

— То, что мы сделали только что... — начала было женщина, но он не дал ей досказать:

— Мы сделали то, что должны были сделать.

Он тер и тер руки о ветхие шторы, все еще ощущая ровную, вязкую пульсацию кончиками пальцев. Он знал, что это чувство, это *прикосновение*, останется с ним до конца дней.

## Глава 2

### 1

Пробуждение было столь же болезненным, сколь и неотвратимым. Если разобраться, он давно уже не спал, часов с пяти утра маялся, ворочаясь с боку на бок и то кутаясь во влажную простыню, то откидывая ее в сторону. В комнате было



невероятно душно, но сама мысль о том, что придется встать и подойти к окну, вызывала панику. Ему и шевелиться-то было больно — каждое движение отдавалось в левом почему-то виске болезненным тупым грохотом. Стоило задремать на спине, как перехватывало дыхание и даже казалось, что носоглотку перекрывает неведомо каким образом выросшая за ночь преграда. Он просыпался от собственного хрипа и тотчас же проваливался снова в болезненный полусон.

Положительно, спать больше не представлялось никакой возможности. Он едва разлепил один глаз и осторожно огляделся. Прямо перед ним, на подушке лежала какая-то черная дрянь, напоминающая раздавленного таракана. Стараясь не делать резких движений, он открыл и второй глаз и приподнявшись на подушке внимательнейшим образом осмотрел ее. Так и есть — таракан. Должно быть, он придавил его щекой или, быть может, усыновил вчера, а потом, осерчав, предал казни...

Боже, как же болит голова. Нет, еще не болит, а только предупреждает короткими, тупыми вспышками в проклятом виске.

Собравшись с силами, он рывком сел на кровати, едва отмечая застоявшийся, кисло пахнувший воздух. Огляделся, стараясь понять,

который же сейчас час. Судя по рассеянному солнечному свету, едва пробивающемуся сквозь ветхие занавеси, уже... Он хихикнул, поразившись тупости пришедшей в голову мысли, — уже рассвело! Действительно, пиво тупит. А пиво с водкой тупит вдвойне.

Он наконец встал, и не мечтая даже о том, чтобы попасть в тапочки, почесываясь и позевывая, побрел на кухню, то и дело натываясь на следы вчерашней оргии. С кем же он пил? Позвольте, но ведь...

Стоит ли обманывать себя — большую часть времени он провел в квартире сам. Нет, конечно, все начиналось совершенно по-другому. Помнится, они сидели с Димкой в ужасной совершенно бодеге, то ли «Шкипер», то ли «Клиппер», да и не собирались они квасить. Так, пройтись по маленькой, поболтать. А потом как-то все завертелось..

Он оперся на кухонный стол. Там появилась эта барышня Маша... Маша, точно... И он звал ее домой, мол, Маша и Ваня — романтическая парочка. А этот придурок Димка как всегда все испортил, предложив невинный секс втроем. Какое там втроем, он бы и сам не справился ни фигу в таком состоянии...

Протянув руку, он ухватился крепко за липкий графин с водой и осторожно поднес его ко

рту. Как там в той древней антрепризе с алкоголиком и полотенцем?

Руки, впрочем, не дрожали...

Он жадно припал к графину и сделал несколько больших глотков. Вода отдавала тиной и еще какой-то совсем уж гадостью, напоминающей увиденного ранее таракана.

Сделав еще один глоток, он почувствовал, как омерзительный привкус в пересохшем рту — смесь вчерашнего пива, табака и черт знает чего — потихоньку уступил затхлому привкусу застоявшейся воды.

Ужас, ужас, ужас... Он неожиданно рыгнул. Отчего же так мерзко по утрам?

А, к черту! Весь этот кофе-чай-вода ни к чему хорошему не приведет. Так и будет маяться до вечера. Нужно лечить подобное подобным, как сказал... постойте, кто же это сказал? На ум неожиданно пришел Фауст, отчего-то в московской квартире, хотя он точно знал, что Фауст здесь ни при чем.

Ну и черт с ним, с Фаустом! А, какова тавтология? Нужно выпить... чего там есть в холодильнике?

Он открыл дверцу и в недоумении уставился на почти пустую камеру, в глубине которой обнаружились пожелтевший совсем от времени кусок сыра с явственными следами зубов,

несколько мокрых сосисок в целлофане и подозрительного вида металлический судок, в котором должно было находиться масло. В боковой полочке стояли бутылки, но совершенно не те: одна стеклянная и, судя по виду, — от молока и еще одна — пластиковая, прозрачная, наполненная ужасной субстанцией, в которой он с омерзением распознал протухший кефир.

И все? Пиво! Здесь должно было стоять три бутылки Хугардена, не говоря уже о шкалике виски, который ему подарил Мизикевич в качестве бонуса за тот клятый перевод... Пойдите — ка...

Он задумался, отчего голова разболелась еще сильнее и перед глазами заплясали нехорошие мушки.

Неужели они все выпили вчера?

Не они... Он сам все и выпил, обидевшись на Димку за ту идиотскую шутку о групповухе. Плюнул и пошел домой в час ночи уже порядком на рогах. Включил телевизор... Так, эту часть он помнил смутно, словно она происходила с кем-то другим... И посмотрел, что же он посмотрел?...

«Вторжение похитителей тел», затертое до дыр, он посмотрел. И пока смотрел, выдул три маленьких пива и оприходовал Мизикевичевский шкалик за здарсьте. Поди кричал под конец

соседям: «Проснитесь! Они уже здееесь!»<sup>16</sup>

До чего же мило все...

Проклиная все и вся на свете, он поплелся в душ, но остановился на полпути, споткнувшись о свое отражение в коридоре. С давно немойтой зеркальной поверхности на него с плохо скрываемой ненавистью уставился сурового вида мужик в не очень белых трусах — боксерах. На впалой груди его болтался серебряный череп на тонкой цепочке. Глаза у мужика были дикими, блуждающими, как глаза выжившего после террористического акта. Судя по недельной щетине, мелово — бледному лицу и всклокоченной шевелюре, террористический акт имел поистине катастрофические последствия.

— Боже, какой же я страшный! — он устало приземлился на маленький стульчик у зеркала, невесть как здесь оказавшийся, — он что, пытался повеситься на книжных полках вчера?

Под зеркалом находился небольшой столик, на котором в живописном хаосе разбросаны были ключи, зажигалка, несколько презервативов, какие-то мятые грязные бумажки в омерзительных пятнах и несколько столь же мятых купюр. И пачка «Мальборо». О, то, что доктор прописал.

---

<sup>16</sup> Финальная фраза в фильме «Вторжение похитителей тел»

Он засунул сигарету в рот и попытался подкурить. Зажигалка трещала, искрила, но не давала пламени.

Устало вздохнув, он выплюнул сигарету, надеясь попасть на столик, но промахнулся. Потом, все потом. Хорошо, что сегодня воскресенье и никуда не нужно идти. Он бы сдох.

Словно в ответ на его мысль, где-то в глубине квартиры зазвонил телефон.

Он в отчаянии взглянул на себя — мужик по ту сторону зеркала скривил рожу и даже погрозил кулаком, напрягая худосочный бицепс. Вот оно, истинное лицо интеллигенции.

— Я пью... — стараясь не обращать внимания на назойливый звонок, медленно процитировал он, — не потому, что я алкаш. Но по собственной воле и всецело отдавая себе отчет в своих действиях. Это мой выбор и мой способ бороться с реальностью! Не вам меня судить, лицемерные твари! — на слове «твари», телефон замолчал, и ему сразу же стало скучно.

— Я пью... — снова начал он, теперь глядя в пол, — потому что я — алкаш. И жена от меня ушла, потому что я алкаш... А алкаш я потому, что мой батя... Нет, так нехорошо, опять какая-то сублимация выходит... словом, потому что я — алкаш.

Он поклонился невидимой аудитории.

В комнате вновь затрещал телефон.

— Я курю! — повысил голос он, — потому что мне плевать на свое здоровье! И на здоровье окружающих меня людей! Меня бесят эти маргиналы из атлетических залов, пропади они пропадом, и я хочу обкурить каждого, сука, из них... — он потерял мысль и почувствовал, что задыхается.

Совсем плохо... Дурнота накатывала волнами. Хотелось закрыть глаза и лечь, но он понимал, что это ни к чему хорошему не приведет.

Телефон в комнате зазвонил в третий раз. Нет, кому-то по жопе неймажется получить.

Он снова поглядел на мужика в зеркале.

— Ты, Ваня, идиот, — погрозил он сам себе пальцем. Устало поднялся и побрел в комнату, ощущая босыми подошвами на удивление фактурный мусор на полу.

Телефон лежал рядом с кроватью, должно быть выпав из заднего кармана джинсов, что валялись рядом. Он трещал без умолку, то и дело подсакивая.

— Мать твою, заткнись! — он устало поднял аппарат и некоторое время тупо разглядывал надпись: «Папа», высветившуюся на экране.

Внезапно телефон перестал звонить и одновременно ему в голову пришла очень нехорошая мысль. Не мысль даже, а воспоминание о том, что нужно было сделать еще с утра. Но

ведь... сейчас утро? Еще утро, верно?

Он нажал пальцем на пропущенный вызов и поднес телефон к уху. Отец ответил сразу.

— Ваня, где тебя черти носят? Бухал? («он как чует, старый алкафан!»)

— Да какое там бухал, папа... — промямлил он, стараясь не выдавать себя голосом. Отчаянно хотелось прилечь и помолчать — слова давались трудно, как на рафтинге по порогам через бурную горную реку. — Там перевод дали технический до послезавтра. По каким-то полупроводникам... — он вяло врал, — вот и засиделся вчера до...

— Бухал, — с ехидством удовлетворенно констатировал отец, — ты хоть знаешь, который час? — голос аж зазвенел, столько в нем было оскорбленной невинности.

— Пап... Сегодня воскресенье... Я могу хоть в воскресенье?..

— Сейчас девять утра с копейками, — теперь в голосе отца звучала плохо сдерживаемая ярость, из-за которой он боялся и порой ненавидел отца в детстве. — В полдень прилетает Сашка. Ты успеваешь? Побриться там, привести себя в нормальный вид, успеваешь? Или нам с матерью ехать в аэропорт?

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Он прикусил язык.

— Конечно же, успеваю! Слушай, мне



некогда сейчас, давай позже...

— В полдень, — процедил отец, — если ты опоздаешь, и ему придется тебя ждать там... Вань... Маргоша нам с тобой потом голову оторвет. И мне и тебе, даром, что я ни при чем... Хотя, что это я... при чем, конечно же, при чем.

— Ты ни при чем, пап, — промямлил он, — все будет в ажуре. Я успеваю, времени — вагон.

— Пива выпей хоть, — внезапно смягчился отец. Не хватало еще, чтобы ты сознание потерял в такси на жаре этой.

— Да не пил я! — огрызнулся он. — Все... Я его заберу — и к вам?

— Да, можешь сразу везти. Мать разготовилась, как он любит. И тебе там кое-чего припасла. Где-то к часу, к половине второго давай. Как успеешь.

— Понял... Отбой, — последнее слово он пробормотал в замолчавший телефон. Отец первым повесил трубку.

Саньку встречать. В аэропорту. В мать вашу, аэропорту! Он едва передвигается по квартире, не говоря уже о том, чтобы... Мать твою! Твою же ж мать!

При мысли о том, что десятилетний сын увидит его в таком состоянии, Иван застонал.

Так, что у нас под домом есть... Генделик «Прибой». Он там был пару раз — пиво свежее и

уже хорошо.

— Ты папку прости, Саш, — бубнил он про себя, тщетно пытаясь натянуть непокорные джинсы, из которых вываливались невесть как оказавшиеся внутри носки, — но если папка пива не выпьет с утра, то все, трамздец.

Стоит ли говорить, что в аэропорт он опоздал.

## 2

Все пошло не так с самого начала.

В подъезде было душно. Воздух стоял без движенья, мертвым и липким. Уже закрывая дверь, Иван понял, что ему стоило бы перезвонить отцу, извиниться и попросить забрать Сашку. В голове отчаянно бухал пульс, словно сердце пыталось выбраться из левого уха. Перед глазами всюю плясали разноцветные точки. Ему показалось, что температура в подъезде никак не меньше пятидесяти градусов.

«Не хватало еще поймать инфаркт прямо здесь... — вяло подумал он, спускаясь по лестнице, — хорошенькая история будет для ребенка: папка-алкаш помирает в подъезде и... — он живо представил себе, что в подъезде, кроме него, никого нет и его тело будет лежать здесь неделю, облепленное жирными, белыми личинками, раздуваясь как объемистый воздушный

шар... Объемистый, право. какое интересное слово... Где же он его встречал давеча... Ах, да, у этого, у Сильверберга... Вот раньше люди умели переводить! Профессия была в почете».

Мысли метались из стороны в сторону в такт бухающим вискам.

На улице было не намного лучше. Несмотря на раннее утро, солнце жарило вовсю. Летний воздух был насыщен влагой настолько, что было совершенно невозможно дышать. Он ощутил первые признаки паники — тело стало ватным и чужим. Нет, положительно придется выпить.

Он заставил себя, игнорируя все признаки приближающегося обморока, чуть ли не бегом добраться до огороженной низким заборчиком открытой площадки перед покрашенным в красный цвет батискафом. Его так и называли местные алкаши — «Красный», несмотря на то, что в отличие от второго генделика, безымянного «Зеленого», у «Красного» было и официальное название — «Прибой».

Какой тут, в жопу, прибой? Убой скорее...

Большая часть столиков была свободной. В углу, прямо у забора, прикорнул пожилой мужчина в нелепой панаме. Вдруг Ивану почудилось, что это отец. Он даже остановился и прищурился, поднеся руку козырьком ко лбу. С такого расстояния было сложно угадать, но каким образом в такую рань

здесь мог оказаться папа? Нет, не он. Мужчина выглядел как бывалый ветеран в боях за трезвость, давно и безнадежно потерпевший поражение в этой войне. Перед ним на грязном пластике стола возвышался штоф, наполненный мутновато — прозрачной жидкостью, что в здешних краях почиталась водкой.

— Однако... — вслух сказал Иван, — кое-кто не думает о собственном здоровье... Он присел за дальний столик и закрыл было глаза, но вспомнил, что в этом достойном месте — самообслуживание. Черт возьми!

Опухшая потная женщина за стойкой посмотрела на него с неожиданной ненавистью.

— Доброе утро, — промямлил Иван, невесть отчего смущаясь. В конце концов, этот мужик за столом вполне мог быть его папашей и негоже отцу видеть сына в таком... состоянии, да.

— Будете заказывать или флиртовать? — буркнула женщина.

— Пиво... свежее? — боже, зачем он вообще спрашивает. Ему любое сойдет. — То есть... холодное есть?

— Есть разливное. Будете брать? Вчера завезли, — женщина чуть смягчилась. В ее тоне теперь проскальзывали нотки жалости.

— Выпью... Давайте.

Он схватился за запотевший бокал обеими

руками и сделал первый глоток, не дойдя даже до своего стола. Да и почему это именно его стол? Площадка пуста, верно? Он может сидеть где угодно и как... угодно... Он с сомнением посмотрел на пожилого алкаша за дальним столом. Все же поразительно, как порой похожи совершенно незнакомые друг с другом люди. Побрей этого старика... причеши его и будет вылитый папка! А может он и есть его папка в каком-то параллельном мире, кто знает?

Он сделал еще глоток и с удивлением обнаружил, что бокал почти пуст. Нет, так не пойдет.

Влив в себя последний глоток, Иван почувствовал себя значительно бодрей и, как-то разом повеселев, снова подошел к открытому окошку батискафа.

— Можно... еще одно? — спросил он застенчиво.

— Может сразу два? — едко осведомилась женщина. Только сейчас он заметил, что ее волосы выкрашены в ярко-синий цвет, а глаза, глаза были совершенно черные, с огромными дырами зрачков. Она смотрела на него не мигая, и он подумал, что у нее, должно быть, проблемы со щитовидкой — лицо было каким-то неприятно рыбьим. Недостаток йода... или переизбыток, как правильно?

— Еще одно, пожалуйста, — повторил он,

стараясь не смотреть на женщину.

— Извольте, — жеманно заявила женщина и жестом фокусника извлекла из-под прилавка еще один бокал. Странно, стоял он у нее там, что ли, с самого начала?

Иван решил не садиться обратно за стол. Он прислонился к стойке, если узкую деревянную доску перед окошком батискафа можно было назвать стойкой, и принялся медленно, на сей раз с наслаждением, отхлебывать горький холодный напиток. Пиво было на удивление свежим и отлично справлялось со своей задачей — ему становилось лучше с каждой секундой. Головная боль не прошла, но перестала быть столь явно акцентированной, превратившись скорее в эхо. В голове приятно шумело, жара перестала беспокоить его, и вообще, в целом, мир оказался не столь ужасен. Пожалуй, он проживет еще немного, не будет умирать и разлагаться в подъезде.

— Официантка! Кассовую книгу мне, живо! — не просыпаясь, заорал мужчина с водкой. Даже голос его неприятно походил на голос отца.

Хорошее настроение вмиг улетучилось. Ему снова стало не по себе.

В два глотка допив показавшееся вдруг пресным пиво, Иван встряхнулся, посмотрел на часы и выругался по матушке. Да что это...одиннадцать... Не может быть

одиннадцать.... Он с ненавистью признался себе, что на самом деле уже одиннадцать пятнадцать. Доехать за сорок пять минут до аэропорта не представлялось возможным. Боже, какой идиот!

— Спасибо, — буркнул он женщине за стойкой. Та никак не отреагировала на него, демонстративно скрючившись в три погибели над какими-то бутылками, что стояли прямо на полу.

Он поспешил к дороге. Солнце жестоко пекло в затылок. Наглый и невероятно грязный кот разлегся прямо посреди тропинки между домами и не собирался сдвигаться с места — пришлось переступать через мерзкую тварь. Иван с трудом сдержался, чтобы не пнуть поганца.

У самой дороги, на скамейке, ничуть не опасаясь солнечного удара, спал, развалившись, полуголый бомж с неприличной татуировкой на груди и смердел так ядовито, будто давно уже умер и только по недоразумению продолжает дышать. Под скамейкой, счастливо пристроив морду на лапах, прикорнул пес.

Стараясь не принюхиваться, Иван остановился у края дороги и принялся ловить машину. По уму, надо было бы отойти подальше от бомжа, а то ненароком его могут принять за... такого же счастливца — вид у него, не дай бог. А и черт с ним! Вместо того чтобы отодвинуться, он остолбенел на месте. И пусть воняет — будет тебе

наука, как бухать перед приездом сына. Идиота кусок!

Отчаянно захотелось выпить еще один хотя бы маленький бокал пива. И все.

Машины упорно отказывались останавливаться. Он даже не смотрел на часы — и так знал, что опоздал. Должно быть, самолет уже приземлился... А если и нет, то, что с того — он все равно не успеет. Это же карма какая-то — кому нужен такой отец? Правильно Маргоша тогда сказала — лузер. Лузер и есть.

— Я — лузер, — громко заявил он, надеясь втайне разбудить окаянного бомжа.

Тот, впрочем, даже не шелохнулся. Зато поднял голову пес; окинул Ивана тяжелым прокурорским взглядом и снова уронил голову на лапы, мол, знаем мы про тебя все, не надо кричать.

Визг тормозов за спиной был столь резким, что Иван подпрыгнул на месте и на мгновение запаниковал — вот он, инфаркт! Стало быть, буду лежать здесь, рядом с вонючим бомжем, весь облепленный белыми, жирными...

— Ехат будем?

Перед ним стояла битая, древняя «Тойота». За правым рулем почти вплотную к нему сидел, высунув голову из окна, бородатый кавказец, улыбающийся во весь рот, полный золотых зубов. Кавказец похлопал рукой по сиденью рядом с



собой, как будто Иван был девушкой, которую он приглашал прокатиться в своем шикарном лимузине.

— Ехат надо? Ехат?

— Ехат... — согласился Иван. — В аэропорт ехат. За полтинник.

— За полтинник ехат не надо, — назидательно ответил кавказец, не прекращая улыбаться. — Надо за сто пядсат.

«Пядсат»... Какой удивительный день...»

— Послушай, милейший, — Иван тоже улыбнулся но вышло как-то совсем безнадежно, — у меня есть... есть сто. Мне сына надо встречать из... да какая разница... А я, дурак, опоздал... Работал вчера допоздна и... — он зачем-то показал на себя, — ...и вот...

— Едем за сто, — не теряя улыбки, сказал кавказец, — сегодня можно за сто. Тебе.

Иван понял, что последнюю фразу водитель произнес пусть и не совсем правильно, но без акцента, и это показалось ему... подозрительным. Ему расхотелось садиться в машину.

— Так едем?

— Ну конечно же, едем, — после недолгой паузы согласился Иван.

Не задумываясь более, он сел в машину, автоматически отметив про себя неприятный, затхлый запах в салоне, и закрыл за собой дверь.

«Тойота» рванулась с места. Полуголый бомж повернул голову и проводил машину внимательным взглядом. Небрежно опустив руку, он потрепал пса по загривку.

Собака обнажила клыки и тихонько зарычала, но позволила мужчине прикоснуться к себе.

### 3

Почти всю дорогу ехали молча. Таксист вел машину как-то апатично, но при этом довольно быстро. Дорога была почти пустой — редкие машины, что попадались на «встречке», ползли медленно, придавленные тяжёлым грузом жары. Влага, испаряющаяся с асфальта, то и дело превращалась в фантомные лужи, таявшие по мере приближения к ним.

Выпитое пиво беспокоилось в желудке. Иван отрывал, даже не задумываясь о том, какое впечатление он производит на таксиста. А и пусть, все ерунда. Один только раз он взглянул на часы, установленные на приборной доске «Тойоты», но лишь устало вздохнул — часы не работали. Доставать же из заднего кармана телефон показалось ему совершеннейшей пыткой.

Все, опоздал. Без вариантов.

— Прыехали, — буркнул таксист. К нему вернулся давешний акцент. Он припарковался

метрах в трехстах от приземистого здания аэропорта. — Дальше не поеду, не протолкнуться.

Иван только кивнул и протянул ему мятую бумажку. Таксист, даже не удосужившись посмотреть на номинал, швырнул купюру в бардачок и уставился на Ивана черными немигающими глазами.

— Продавщица из «Красного» не родственницей ли вам приходится? — не удержался Иван.

Кавказец виртуозно вскинул левую бровь.

— Какой красный? — нехорошим голосом спросил он, — прыехали! Вылезай.

— Да ладно, ладно, иду уже...

Иван вылез из провонявшейся машины и с наслаждением вдохнул пусть и горячий, но чистый воздух.

Пригладив кое-как волосы, он быстрым шагом засеменял к аэропорту. Пиво в желудке весело бултыхалось, но головная боль и омерзительное ощущение ватности в ногах прошли. Теперь он чувствовал себя если не хорошо, то почти сносно.

«Тойота» за его спиной осталась стоять неподвижно. Кавказец медленно потянулся к бардачку, достал влажную, скомканную банкноту и, не задумываясь, выбросил ее в окно. После достал оттуда же не первой чистоты тряпицу и тщательно вытер руки.

Перед аэропортом действительно было не протолкнуться. Несмотря на воскресенье, прямо у входа в очереди стояло несколько автомобилей с шашечками «такси». Водители стояли возле авто и угрюмо курили, провожая каждого выходящего пристальными оценивающими взглядами. Они более напоминали разбойников, чем представителей сферы услуг.

Небольшая автостоянка слева от здания аэропорта была полностью забита. На закрытом шлагбауме был наспех прикручен кусок картона с надписью: «Мест нет».

У входа сосредоточенно дымили несколько человек.

Автоматические двери не работали, и всем входящим и выходящим приходилось толкаться у маленькой дверцы сбоку.

Иван, чуть не столкнувшись с огромным пузатым бородачом в насквозь мокрой рубашке, потянул на себя дверь. Оказавшись внутри зала ожидания, он почувствовал резкий перепад температур — здесь работал кондиционер и, судя по всему, работал всерьез — в зале было холодно.

Для столь большого города здание аэропорта было оскорбительно маленьким. На двух этажах едва удалось разместить многочисленные кассы,

зоны вылета и даже несколько крошечных затрапезных кафе. Неуютные ряды стульев были сплошь забиты разномастным перелетным людом. Народ толпился у касс, шумел у нескольких терминалов вылета, активно поглощал плохо сделанные бутерброды в кафе, запивая их коньяком из пластиковых стаканчиков.

Складывалось впечатление, что конструкторы здания аэропорта руководствовались извращенной садистской логикой и изначально проектировали здание таким образом, чтобы человек, улетающий из родного города, испытывал как можно больше мучений.

— Вниманию пассажиров, Вниманию пассажиров... — он невольно наострил уши. «Нет... определенно это не наш рейс. Собственно...»

Он посмотрел на табло, со стоном достал телефон из кармана и, не веря собственным глазам, уставился на экран.

Он был уверен, что дорога не заняла больше двадцати минут... Как же так?

На большом, треснувшем наискось черном экране светились цифры: 12:32.

Малый прилетел почти сорок минут тому назад...

Он все еще тупо смотрел на экран. Пленка во многих местах отошла, морщилась, и еще эта

трещина... Надо поменять телефон, верно?

Иван резко развернулся и поспешил к окошку, над которым светился логотип «Турецких авиалиний». Перед окошком стояла небольшая очередь.

— Я прошу прощения... — обойдя очередь, он оказался прямо у окошка и, повернувшись к нему спиной, обратился к толпе, — мне только спросить! У меня сын... потерялся...

Мужчина, стоящий прямо у кассы, скорчил недовольную гримасу, но отступил в сторону.

— У меня сын! — обратился Иван к крашеной блондинке за стеклом, как бы оправдываясь за свое неуважительное поведение.

— Я вас поздравляю, — улыбнулась она в ответ...

— Нет, я неверно выразился, — торопясь и от волнения еще больше сбиваясь, прервал ее Иван, чувствуя затылком, как растет недовольство толпы, — сын должен был прилететь из Стамбула 12- часовым... Я не могу его найти никак...

Девушка посмотрела на него с небольшой долей участия во взгляде. Ее голос потеплел.

— Ребенок путешествовал сам?

— Ну... да... ему десять лет... С сопровождением! — с накатывающим отчаянием почти выкрикнул он, — есть такая услуга у вас!

Девушка расплылась в улыбке.

— Вам на второй этаж, в наш офис. Если его никто не встретил, то он там.

— Можно побыстрее свои дела решать?! — крикнул кто-то сзади.

Иван поднял руку с растопыренными пальцами вверх.

— Спасибо, — пробормотал он и чуть ли не бегом бросился на второй этаж.

Он не сразу нашел офис «Турецких авиалиний», примостившийся между крошечным отделением «Кипрского банка» и туалетом. Рванул на себя дверь и оказался в крошечной комнатухе, стены которой были сплошь завешаны рекламными плакатами. Слева от него стоял полукруглый стол, за которым скучала миловидная барышня в форме.

— Добрый день! — дежурно улыбнулась она.

Иван обвел взглядом комнату.

— Мой сын... Должен был прилететь из Стамбула... — слова давались нелегко. Внезапно он понял, что девушка, глядя на него, видит небритого, не очень хорошо одетого, рыхлого мужика, с потными разводами подмышками. Не говоря уже о пивном духе, которым здесь все сейчас пропитается. Он прервался и посмотрел на девушку: если она и испытывала к нему неприязнь, то никак этого не показала. Она молча глядела на него, ожидая, что он закончит фразу.

— Понятно, — так и не дождавшись

продолжения, произнесла она, — я... только что заступила. Здесь была моя сменщица. Ребенок путешествовал с матерью?

— С сопровождением, — почему-то стыдясь, буркнул Иван.

— Отлично. Одну минутку, пожалуйста.

Он потянулась к компьютеру и защелкала клавишами.

— Так, есть. Александр Солнцев. Ваш?

Иван улыбнулся и закивал.

— Ну и прекрасно, — улыбнулась девушка в ответ, — я рада, что все разрешилось.

— Простите... что разрешилось?

— Мальчика уже забрали, — еще шире улыбнулась она. — Можете не волноваться.

Иван тупо смотрел на девушку. В желудке бесновалось пиво.

— Я... как забрали? Кто?

Ее профессиональная улыбка начала блекнуть, сползать, как лайковая печатка сползает с руки.

Но прежде чем она ответила, в руке его отчаянно зазвонил телефон.



## Глава 3

### 1

— С вами все в порядке? — голос девушки утратил казённые нотки. Теперь она казалась испуганной.

Иван и сам был испуган не на шутку. Он махнул рукой и пулей выскочил из кабинета.

Телефон продолжал трезвонить. Он бросил взгляд на экран и попробовал зачем-то сбросить звонок, но остановил палец на полпути. Уставился на экран с ненавистью.

В этот момент он меньше всего хотел говорить с отцом. Он что, чувствует что ли?

Нехотя, принял вызов и поднес трубку к уху.

— Да...

— «Андрюшенька»? — отец говорил излишне оживленно, чуть ли не смеялся в трубку, — сынок, ты ли это?

— Какой «Андрюшенька»? Папа, ты с дуба рухнул?

— Ну да, ну да, — с той же раздражающей оживлённостью зачастил отец, — ошибся я по — стариковски! «Антоха», ты?

Иван почувствовал, как его заполняет неприязнь к отцу. Этот тон... эти шутки были

знакомы ему с детства. Именно так старый хрыч поступал, когда хотел макнуть его в дерьмо, да так, чтобы он хорошенько нахлебался. При этом, отец всегда начинал с какой-то невинной шутки, а потом уж переходил к тяжелой артиллерии.

— Я кладу трубку, — сказал он, но телефон от уха не отнял.

— Ты сына-то встретил? — теперь отцовский голос звучал сухо и деловито.

— Я... в процессе...

— В процессе он, слышала мать? — отец расхохотался. — Ну, не буду тебе мешать. Как процесс закончишь, выйди на улицу. Мы около стоянки на аварийках.

Иван уставился на телефон, увидел, как покраснели костяшки на сжавшемся кулаке. Ему хотелось раздавить проклятую трубку; швырнуть ее в стеклянную витрину банка и проверить — разлетится ли стекло на тысячи гребаных осколков.

Ну папа, спасибо... Услужил.

— Все хорошо? — он резко обернулся на голос, и девушка отпрянула от него как ужаленная.

— Все... просто чудесно, — фыркнул он, нервно посмеиваясь. — Легкие разногласия с родителями. Спасибо за ваше участие. — Он напоследок взглянул на девушку, чувствуя, как губы растягиваются в глуповатой улыбке, и силясь разобрать, на каком языке она продолжает с ним

разговаривать, но потерпев неудачу, устремился к выходу.

## 2

Выйдя из кондиционированного зала, Иван почувствовал, как солнце горячим блином со сковородки шлепнулось на плечи — он моментально взмок, стало тяжело дышать.

— Машинка нужна? — раздалось над ухом, и его накрыло луково — сигаретным облаком.

— Я местный! — прорычал он, не оглядываясь.

«Еще и маму с собой прихватил... Молодец, старик, уел. Так, чтобы мордой в говно сразу».

Он вдруг захотел сесть в первое попавшееся такси и уехать прочь, к черту на кулички. Напиться так, чтобы вообще не помнить ни черта.

Размякший асфальт болотисто пружинил под ногами.

Иван стиснул зубы и побрел в сторону парковки.

У самого входа, чуть в стороне от шлагбаума, был припаркован отцовский старенький «RAV». Возле него, не обращая внимания на жару, небрежно курил сам старик. Он был одет в белоснежную футболку без рукавов, с которой скалился Папай; белые, сияющие на солнце

шорты... Иван хмыкнул — отец нацепил на голову капитанскую фуражку с эмблемой города.

Судя по всему, в машине его дожидалась мать... и еще кое-кто.

— Ну здравствуй, «Витюня»! — издалека заметил его отец.

— Имя мое забыл? — процедил Иван. Он понимал, что отец только этого и ждет, но удержаться не мог.

— А что, — старик выпустил ему в лицо струю дыма, — мне позволительно. В конце концов, я старый человек, могу и забыть, как сыночка-то зовут. К тому же у меня поди, бастарды в каждом порту. А вот тебе, — он неожиданно ткнул его пальцем в грудь, — тебе не стыдно про своего сына забыть? По — твоему, он должен был сидеть вот так в зале ожидания? С этим... — отец махнул рукой, — со всем этим сбродом? Молодец папка, ничего не скажешь. Ас!

Он отбросил бычок.

— Много пил вчера? — придвинувшись вплотную к Ивану, спросил он. При этом, в отцовском голосе зазвучали иные нотки — он словно ожидал от Ивана утвердительного ответа.

— Порядком, папа. Мы можем ехать уже?

— Можем и ехать, — неожиданно улыбнулся отец. — Садись назад. Мать на переднем.

Иван принялся поправлять всклокоченную

шевелюру.

— Горбатого могила исправит, — ухмыльнулся отец, — постарайся не ляпнуть там чего лишнего, алкаш. Ребенок тебя полгода не видел.

Иван кивнул и повернулся к машине, но прежде, чем он успел сделать еще один шаг, дверь распахнулась и Сашка прямо из салона сиганул ему на шею. Он с трудом удержался, чтобы не упасть под давлением сыновнего веса. Парень явно подрос, не то слово — подрос, еще как!

— Папка! — прошептал Сашка ему на ухо и засопел, — небритый!

Иван обнял сына, прижал его к себе, да так и стоял, покачиваясь под испепеляющим жаром небесной доменной печи, чувствуя, что еще чуть-чуть, и он расплачется, как идиот.

— Сынка... — он осторожно опустил мальчика на землю и сел на корточки перед ним, — какой большой стал...

— Ну, и ты тоже окреп, — сын ткнул его в плечо. — Работы было много вчера?

— Да... заработался. И потом жара эта... опоздал, черт! Деда тебя сразу забрал?

— Они с бабушкой прямо у выхода в город стояли. Так что, без вариантов.

Надо же, «без вариантов»... Как он теперь говорит... Полгода назад это был совсем другой

человек...

— Ну... — Иван еще раз обнял сына, прижался к нему, — пошли в машину? А то мы тут изжаримся.

— Идем, идем, — сын вырвался из объятий и нырнул в темноту салона. — Давай рядом со мной!

— Я и так... — улыбнулся Иван, — рядом...

Он сел в машину и захлопнул за собой дверь.

— Привет, сынок, — не поворачиваясь, бросила мать, — опоздал немного?

— Мам... Не начинай...

— Он нежный, мать, нельзя его травмировать! — бросил отец, заводя машину, — верно, «Леха»?

— Папка, ты теперь «Леха»?

— Так... — Иван притянул сына к себе, — «Леха» — это мое тайное имя в секретной службе, — Расскажи — ка лучше, дружок, как долетел? Под конвоем-то?

— А со мной летел дядька из компании, — небрежно бросил Сашка, — такой толстый! Мы с ним весь полет играли в подкидного, прикинь! Я его обставил восемь раз!

— На деньги играли, поди?

— Не... — сын махнул рукой, — я хотел, а он сказал, что его за это уволят... Мне кажется, зассал.

— Саша! — в этот раз мать повернулась и взглянула на внука с легкой укоризной, — откуда

такой лексикон?

— Это... — замялся Сашка, — папа Умар так говорит...

Иван хмыкнул.

— А что ещё говорит... этот... Умар? — он будто выплюнул последнее слово.

— Говорит, что здесь одни идиоты остались, — не моргнув глазом ответил сын, — что все умные давно в Турции, там, или... — он помолчал, — ... во Франции...

— А ты ему что говоришь?

— Говорю, что дудки. Вы же здесь живете. Ну... — Сашка указал пальцем вперед, — Дедушка Витя, во — первых, потом, бабушка Инна... и ты, конечно же. И друзья мои здесь живут. Мне вообще в Турции не очень. Там... ну, душно, что ли. И туристы сплошные...

— Русских много, — хмыкнул дед, не отвлекаясь от дороги.

— В последнее время не очень. Мама говорит, как Эр... Эрдоган, да? Вот, как Эрдоган с этим самолетом учудил, так и русские пропали. Но в Стамбуле их полно. — Сашка внезапно хихикнул и толкнул Ивана в бок, — а мы пойдём на маяк к дедушке?

— Так ты это у дедушки спроси.

— Дедушка говорит — на маяке нет кондиционера, — ухмыльнулся отец. — Твой папка

«ГЭНДИТНЫЙ», может сознание потерять.

— А как это — «ГЭНДИТНЫЙ»?

— Это как кисейная барышня. Типа, оп-па, и держите меня, я падаю, — отец заржал.

— Виить... — жена легко коснулась его плеча, — ну не начинай!

— Ну, во — первых, я не прекращал. Да, дружок, мы пойдем на маяк, если папа не против. Но сразу предупреждаю, там за полгода ничегошеньки не изменилось.

— А я и не помню уже ничего, — улыбнулся Сашка, и в этот момент Иван ощутил щемящую боль в сердце. Он увидел, как стремительно растет сын. Через год это будет совсем другой, незнакомый человек. Будет ли он любить его так же как сейчас?

— Па — ап?

— А?

— На маяк пойдем?

— Ну... сходим, чего нет...

— Сегодня? — не отступал Сашка.

Иван посмотрел на отца. Тот коротко кивнул.

— Можем и сегодня...

— Только вечером, — добавил отец, — как жара спадет. Может дельфинов увидим, кто его знает.

— А сейчас, Сашенька, мы едем к нам домой, — улыбнулась мать, — я тебе приготовила



шарлотку, дружок, и еще кучу всего! Будем праздновать!

— Ты это... поаккуратней с «праздновать», — съехидничало отец, — кое-кто уже напраздновался вчера...

Иван не отреагировал.

— Ну ничего — ничего, — махнула рукой мать. — Так, внук ты мой дорогуший! Как школа? Учишься хорошо или филонишь?

— Я, бабуль, учусь прекрасно и лучше всех, — Сашка с напускным смирением тяжело вздохнул, — но не все это понимают, секешь?

За окном автомобиля сливались в единую серую стену однообразные многоэтажки. За тонированным стеклом город казался призрачным. Словно и не было испепеляющей жары. Солнце скрылось за легкой дымкой и безоблачное серое небо тяжело давило на улицы.

Иван обнимал Сашку, который трещал без умолку, отвечая на бесконечные бабушкины вопросы, и постепенно проваливался в уютную дрему. Ему пришло в голову, что ехать вот так, прижимая к себе сына, сквозь полуприкрытые веки рассматривая город, проносящийся за тонированным стеклом, — невероятно приятно. Машина преследовала ускользящий мир, и он, ощущая ровное, убаюкивающее гудение мотора, глубоко вдыхая кондиционированный воздух, был

частью ее. Мысли становились все более тягучими и невнятными, подобно расплывающимся видам за окном... Он погружался без страха в густую как смоль черноту. Если ему суждено умереть прямо сейчас... если это и есть смерть... то она прекрасна.

### 3

— Ты что, заснул там, пропойца? — голос отца вырвал его из омута, и Иван понял, что действительно почти заснул, опускаясь все глубже и глубже в спасительную тьму. Сашка сидел в противоположном углу и увлеченно расписывал бабушке тонкости стамбульского общественного транспорта. Повернувшись к нему, сын неожиданно по-свойски подмигнул. Иван слабо улыбнулся, все еще ощущая некоторую заторможенность, словно дрема, от которой он только что пробудился, и была настоящей реальностью, а все окружающее его сейчас — не более чем сон.

— Не спи, Ванька! — вызывающе звонко произнес Сашка и снова подмигнул по — компанейски.

Это фамильярное «Ванька» неожиданно больно резануло по ушам.

— Какой я тебе «Ванька»? — возмущенно вскинулся он.

Но сын уже отвернулся и продолжил свой,

судя по выражению бабушкиного лица, нескончаемый, монолог.

Иван закрыл глаза и откинулся на сиденье. «Ванька, значит... Ну что ж, все предсказуемо, и весьма. Если бы Сашка жил здесь, он, скорее всего, стал бы воскресным папой. А так... берите что есть и не задерживайте очередь, гражданин».

— Мы уже приехали? Приехали, да? — дурачился Сашка. Иван украдкой разглядывал его сквозь полуприкрытые веки. «Сколько месяцев прошло... шесть? Да, точно, шесть... А кажется — больше... И сын... стал совсем другим за это время. Он казался... куда более взрослым, чем ему полагалось быть. И... красивым, черт подери, этот парень будет жрать женские сердца поедом! Уже сейчас, в десять лет, он был красавцем. А откуда взялась эта серьезность? Все эти... жесты, обороты речи... Вот только нос и линия пухлых слегка обкусанных губ остались совсем детскими и такими... родными, — Иван сглотнул, почувствовав, как к горлу неожиданно подступил комок. — Чертово похмелье всегда обостряло эмоции, а и пусть! Сын приехал, его сын!»

— Иди сюда... — он неловко потянул Сашку к себе и подумал, что ребенок заартачится, но тот внезапно прильнул к нему и крепко обнял.

— Ты не волнуйся, Вань... — прошептал он ему на ухо, — я же знаю, что ты мой папа...

И снова комок в горле помешал ответить. Иван часто-часто заморгал, понимая, что это уже не помогает. Близость сына, его нежный, почти молочный запах, заставили сердце биться совсем уж невпопад. Он понимал, что сейчас расплчется, и что допустить этого ни в коем случае нельзя, нельзя, потому что ребенок не поймет и испугается. Но все впустую...

Машина резко остановилась.

— Что у вас там за сопли? — пробасил отец. — Приехали, выходим.

И первым вышел из салона, сильно хлопнув дверью.

— Так, мальчишки, живенько! Дома наобнимаетесь! — мать отдельно улыбнулась каждому. — Вань, там в багажнике Сашкины вещи, ты не забудь, ладно?

Сашка выскользнул из-под его руки и выскочил из машины. Еще несколько секунд кожа на ладонях сохраняла его тепло, но с каждым мгновением ощущение это становилось все более и более призрачным. Иван проводил сына взглядом и подумал, что ему вовсе не хочется выходить из непривычно тихой машины. Просто сидеть в пустом салоне, прислушиваясь к щелчкам остывающего двигателя, было сродни медитации. И было в этом желании что-то столь же заманчивое, сколь и неожиданно пугающее. Он даже

нахмурился, стараясь уловить мысль, что засела где-то на самой периферии сознания, но ничего не вышло.

Вздохнув, он покинул прохладный салон, погружаясь в тающий асфальтовый ад города.

#### 4

Жара укутала его тяжелым липким покровом. Солнцевы — старшие жили в кирпичной пятиэтажке, более напоминающей крепость, чем жилой дом. Машина была припаркована возле громоздких чугунных ворот, украшенных сложным орнаментом. За воротами, утопая в тени высоченных каштанов, уходила к дому широкая аллея. Ворота и забор, тянущийся острыми пиками к белому, истекающему жаром небу, олицетворяли границу между светом и тенью, зноем и прохладой. Когда-то, в советские времена, этот дом считался элитным и до сих пор выделялся на фоне однообразных новостроев.

— Что стоишь? — буркнул отец, — забыл, где багажник?

Иван не ответил. Обошел машину, поглазел на старую вмятину на багажной двери с каким-то потаенным удовлетворением. Не все, поди, так гладко в датском королевстве у папашки-то.

Он открыл багажник. В центре абсолютно

пустого отсека лежал Сашкин чемодан черного цвета с желтой эмблемой Бэтмена в центре. Рядом с чемоданом валялась литровая бутылка «Black Label».

— И бутылку не забудь, — донеслось до него.

Он только хмыкнул. Быть может, папочка решил — таки развязать? Сегодня все казалось ему странным. Проклятая жара...

Он ухватился за чемодан и потянул на себя. Тот оказался легким, несмотря на впечатляющие размеры. Бутылка, напротив, была тяжелой и теплой.

Мать с Сашкой уже зашли в подъезд и канули в темноте за распахнутыми настежь массивными дверьми. Отец, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, поджидал его у ворот.

— Да что ты копаешься! — отец снял свою нелепую фуражку, и его лысеющая голова неприятно блестела на солнце. Он достал из кармана пульт и с силой нажал на кнопку сигнализации. «RAV» пикнул, со щелчком запирая двери.

Иван поравнялся с отцом. Солнцев-старший был крупным мужчиной, но сегодня он показался ему неожиданно... маленьким, будто солнце высасывало из него жизнь. На красном носу-картошке неприятно застыла капля мутноватого пота.

— Что надо? — раздраженно спросил отец, не глядя на него.

— Пап... Ты в порядке вообще? Что ты огрызаешься все время?

— Ты подерзи мне, алкаш... Знал же, что сын приезжает!

— Ты мне это до Рождества вспоминать будешь?

— Я тебе это вспоминать буду столько, сколько захочу. А если бы мы не успели?

Иван внимательно посмотрел на отца. В его тоне, в каждом его слове сквозила легкая, но вполне ощутимая фальшь. Казалось, отец прячет за демонстративным раздражением совсем иные эмоции.

— Ладно, — почувствовав его взгляд, пробормотал старик, — проехали. Этаж-то помнишь?

— Могли бы в генеральском доме и лифт сообразить, — вздохнул Иван. Солнцевы проживали на пятом.

## 5

Мать постаралась на славу. Круглый стол, установленный в центре гостиной, был заставлен разнообразной едой. Складывалось впечатление, что родители ждали приезда не только Сашки, но и

всего его класса вместе с учительским составом. Места для собственно пустых тарелок почти не осталось.

Иван сидел напротив сына и смотрел, как тот уплетает салат оливье, закусывая тонкими ломтиками сырокопчёной колбасы, которые он закидывал в рот целиком. Сашка улыбнулся ему с набитым ртом и поднял вверх большой палец.

— Сынок, что тебе положить?

— Мам, я... подумаю... — он задумчиво поковырял вилкой салат, но есть совершенно не хотелось.

— Он подумает, слышь! — рассмеялся Солнцев-старший. — Тебе не думать нужно, а... — он потянулся через стол и ухватился за бутылку виски. Подержал ее в руке задумчиво некоторое время, с хрустом откупорил и протянул Ивану.

— Пап, я...

— Это лекарство. И не спорь... стакан мне дай.

Иван протянул ему стакан. Отец крикнул и щедро плеснул в него темно-янтарной жидкости.

— Держи... Мать?

— Спасибо, Вить, я вино.

— А я вот не откажусь... хоть мне никто и не предлагает. — И на глазах у изумленного Ивана отец налил себе чуть ли не полный стакан. Иван перевёл взгляд на мать, ожидая бурной реакции, но



та продолжала болтать с Сашкой как ни в чем не бывало.

— Ну что, семья, — поднялся отец, — нас мало, но мы в тельняшках, как некогда говорили на флоте. Но на правах старшего за этим столом и в качестве почетного капитана на пенсии, я хотел бы сказать, что самое главное на любом пароходе — команда. Если команда работает, судно на плаву. Даже в критических ситуациях.

Мы — команда. И пока мы понимаем это... Пока мы делаем все... — он запнулся и неожиданно отхлебнул виски из бокала так, словно это был сок. У Ивана глаза на лоб полезли, и он снова уставился на мать, но та молча смотрела на отца.

Отец сглотнул, откашлялся и продолжил:

— ... Пока мы любим друг друга, наш корабль плывет. И никакой шторм, никакая буря не заставят его свернуть. Нам не страшны ни пираты... — он подмигнул Сашке, и тот подмигнул в ответ, отсалютовав вилкой, — ... ни хвори, ни катастрофы. Мы семья.

Отец посмотрел на Ивана и снова повернулся к внуку.

— Сань... Мы тебя очень любим. Ты... помни об этом. Не забывай.

— Да я помню, помню, — смешно замахал вилкой Сашка.

— Ну тогда, за нас, за будущее! — и отец

залпом проглотил оставшийся в стакане виски.

— За нас! — подняла бокал мать.

Сашка потянул к ней свой бокал с соком, — чокаться! Нужно чокаться!

Иван протянул руку и легко коснулся стаканом сыновнего бокала.

— Ой! — смущенно улыбнулась мать, — какая же я дура... Я все выпила уже!

— Не волнуйся, бабушка, я с тобой и так чокнусь, — Сашка потянулся к ней, но она предупреждающе подняла руку.

— Пустыми нельзя! Кто-то поухаживает за дамой?

Иван не отреагировал. Его не покидало ощущение, что мать выпила вино намеренно... Чтобы не... Он отмахнулся от глупых мыслей и залпом выпил свой виски.

— «Клим Чугункин... — одобрительно хохотнул отец, — стаж»<sup>17</sup>... Ну, давай сюда свой стакан.

— Мне хватит, пап...

— «Мне хва-атит... Па-ап». Что, по-твоему, отец сам должен пить? — похоже, старик захмелел. Он покраснелся; говорил громко, как, должно

---

<sup>17</sup> Популярная цитата из романа М. А. Булгакова «Собачье сердце».

быть, привык за годы работы на флоте, — давай стакан.

Иван протянул стакан, и Солнцев-старший тотчас же плеснул в него изрядно виски. После снова налил себе почти по ободок.

Ивана поражало молчание матери. Он прекрасно помнил, чем была чревата подобная ситуация. Более того, на протяжении вот уже долгих лет отец не прикасался не только к крепкому алкоголю, но не употреблял даже пива, всегда отказываясь вне зависимости от повода. Как-то, года четыре тому назад, на новогоднем застолье, он в шутку попросил жену налить ему стопочку коньяку для настроения. Мать придвинула к нему бутылку и ровным, ничего не выражающим голосом предложила выпить ее всю, залпом и тотчас же сдохнуть — так, мол, будет легче для всех, если уж он решил развязать. Ее пришлось успокаивать всем вместе.

Сейчас же она вела себя как ни в чем не бывало... Нет, не так... словно ей наплевать на то как споро напивается отец.

Иван легко коснулся отцовской руки.

— Пап... что ты делаешь вообще?

— Ты меня еще поучи, сосунок, — отец повернулся к Сашке. — Ну что, пацан, где лучше? Здесь или с мамой и с этим... с турком ее...

— Он не турок, — прошамкал Сашка с

набитым ртом, — он узбек.

— Однако... — хмыкнул отец и прихлебнул виски, — для узбека странноватое имя, не находишь?

— А я не знаю, какие у узбеков имена, дедушка, — улыбнулся в ответ Сашка, — но папа... он покосился на Ивана, — ... дядя Умар говорил, что был такой царь, что ли...

— Ну если царь, то понятно...

— А вообще, — Сашка наконец прожевал и теперь говорил четко, ясно, диссонируя с Сонценвым — старшим, который начал проглатывать окончания слов, — в Турции громко слишком... Ну, как вам объяснить... Мама говорит — это как праздник, который всегда с тобой. Просто погулять там или в гости приехать — круто. А жить там... ну, маме не очень нравится.

— А тебе? — тихо спросил Иван.

— И мне не очень...

— Так, что вы все заскучали? — мать подняла бокал, снова наполненный рубиновым вином, — Нужно выпить за единение семьи! — и не дожидаясь ответа, запрокинула голову и принялась пить вино большими глотками.

— Вот это дело! — Солнцев-старший ухватился за свой стакан и одним махом прикончил его.

Ивану только и оставалось, что смотреть на

отца с открытым ртом.

— Ванька, не филонь! Пей, детеныш! Смотри, мать, какой у нас вырос карапуз! — отец заржал и сильно ударил Ивана кулаком в плечо.

— Да, сынок, что ты как зачарованный сидишь! Нужно выпить!

— Да будет со мной кто-то чокаться сегодня или нет! — закричал Сашка, — мы ж не на похоронах!

Мать поперхнулась и потянулась было рукой к внуку, но остановилась на полпути.

— Сашенька, ну что ты говоришь такое? Какие похороны?

— Малый прав, — буркнул отец, — просто... соскучились мы по тебе, вот и бузим с бабушкой. Ну мы-то старые уже, в маразме. Вон с папкой чокнись, и пусть он за твое здоровье потянет пару грамм.

— Папа? Потянешь за мое здоровье пару грамм? — Сашка сказал эту фразу, стараясь копировать хмельной голос деда.

Иван зло схватил стакан, но прежде, чем он успел поднести его ко рту, отец остановил его, подняв свой, совершенно пустой:

— Тост скажи, — устало бросил он.

— Так... — происходящее становилось все более и более абсурдным с каждой секундой, — Ок... Саш... — сын дурашливо

поклонился и торжественно поднял свой бокал. — Как бы там ни было и что бы тебе ни говорила мама, ты должен знать. Я тебя очень люблю. Ты — отличный пацан, и я только молюсь о том, чтобы мы чаще виделись. Я... — ему хотелось добавить, что он его отец, он, а не какой-то там дядя Умар, что он готов заботиться о нем и сейчас, и впредь и... Но слова застряли в горле и показались комичными, нелепыми.

— Люблю тебя, старик!

— Эй! Я не старик! — закричал Сашка, не переставая улыбаться.

— Вот! Это по — нашему! — мать раскраснелась и была ненамного трезвей отца. — А ну-ка, Виктор Иванович, плесни мне своей отравы! За внука и виски выпить не грех!

Отец нехорошо улыбнулся и налил ей прямо в бокал, в котором еще оставалось вино. Жидкости смешались, и нарядный рубиновый цвет вина потускнел, превратившись в грязно-коричневый. Мать крикнула и как заправский пропойца опрокинула бокал.

Что они, с ума посходили?

— А что, Санька, есть у тебя там друзья, — Солнцев-старший придвинулся поближе к внуку и приобнял за плечи, — ну, из наших. Или только эти... черножопые?

— Ви — тя... — жеманно протянула мать.